

УДК 94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.41-84

КАК СУЛТАН МАМЛЮКОВ ОБРАЩАЛСЯ К ХАНУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ. ФОРМУЛЯР ПИСЕМ И ПРАВИЛА ИХ СОСТАВЛЕНИЯ*

Мари Фаверо^{1,2}

¹ Оксфордский университет
Оксфорд, Великобритания

² Университет Сорбонна – Париж IV
Париж, Франция
marie.favereau@history.ox.ac.uk

Цель: изучить некоторые вопросы формы и протокола, управляющих «письменными отношениями» между мамлюками и Чингизидами Золотой Орды, определить степень взаимовлияния между тюркскими, монгольскими и арабскими эпистолярными практиками этого периода.

Материалы исследования: корпус из учебников канцелярии трех крупных писателей мамлюкского султаната: Ат-Та'риф фи ал-мусталах аш-шариф (*al-Ta'rif fi al-muṣṭalaḥ al-šarīf*) Ибн Фадл Аллах ал-'Омари (ум.749/1349 г.), «Ат-Таскиф фи ат-та'риф» (*al-Taṣkiḥ fi al-ta'rif*) Таки ад-дин Ибн Назир ал-Жайиш (ум. 786/1384 г.) и «Субх ал-а'ша фи сина'ат ал-инша» (*Ṣubḥ al-a'šā fi ṣinā'at al-inšā'*) ал-Калкашанди (ум. 821/1418 г.).

Результаты и научная новизна: проведен детальный анализ вышеперечисленных источников, который подтвердил взаимовлияние между двумя *Диван ал-инша*, конкретном свидетельстве циркулирования знания и техник исламских канцелярий между Египтом и Центральной Азией со второй половины XIII века до первой половины XV века.

В результате было выявлено, что административные институты стабильно функционируют, несмотря на прерывистость и хаос династического наследования. Речи, которые мы различаем сквозь эти эпистолярные обмены, также имеют некоторую преемственность: цель большинства этих писем состоит в том, чтобы обосновать или задать вопрос о молчании, нехватки посольств и долгом отсутствии обмена. Следовательно, дипломатические практики этих двух государств вписываются в долгий благоприятный период общей и разделяемой участниками эволюции правил канцелярии.

Ключевые слова: история, Золотая Орда, мамлюкские султаны, Диван ал-инша, письма, учебники

* Впервые статья опубликована на французском языке Французским Институтом ориентальной археологии (Institut français d'archéologie orientale). Цитирование оригинала статьи на французском языке: Favereau M. Comment le sultan mamlouk s'adressait au khan de la Horde d'Or. Formulaire des lettres et règles d'usage d'après trois manuels de chancellerie (1262–v.1430) // *Annales Islamologiques*. La Caire: Institut français d'archéologie orientale, 2008. Vol. 41. P. 59–95.

Данная статья распространяется на условиях открытого доступа по некоммерческой лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0), которая предусматривает некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии корректного цитирования оригинала работы. На условиях расширенного доступа опубликована 29 марта 2018 г.

Для цитирования: Фаверо М. Как султан мамлюков обращался к хану Золотой Орды. Формуляр писем и правила их составления // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 41–84. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.41-84

HOW THE MAMLUK SULTAN ADDRESSED THE GOLDEN HORDE'S KHAN. THE FORM OF LETTERS AND RULES FOR THEIR COMPILATION*

Marie Favereau^{1,2}

¹ *Oxford University
Oxford OX1 2RL, United Kingdom*

² *La Sorbonne – Paris IV
Paris, France
marie.favereau@history.ox.ac.uk*

Research objectives: To study some questions of form and protocol by which the Mamluks were guided in their “written relations” with the Chinggisids of the Golden Horde. To determine the degree of mutual influence between Turkic, Mongol and Arabic epistolary practices of this period.

Research materials: Examples from the clerical manuals of the three major writers of the Mamluk sultanate: Ibn Fadl Allah al-Umari (al-Taʿrīf fī al-muṣṭalaḥ al-ṣarīf) (d. 749/1349), Ibn Nazir al-Jaysh (al-Taṭqīf fī al-taʿrīf) (d. 786/1384), and al-Qalqashandi (Ṣubḥ al-aʿṣā fī ṣināʿat al-inṣāʿ) (d. 821/1418).

Research results and novelty: The author analyzed in detail the above sources, confirming the interaction between the two diwans al-inshaʿ as well as the circulation of Islamic chancellery knowledge and techniques between Egypt and Central Asia, starting from the second half of the 13th century and up to the first half of the 15th century.

As a result, it has been revealed that administrative institutions functioned steadily despite the periodic discontinuity and chaos of dynastic inheritance. The statements that we distinguish through these epistolary exchanges also possess a certain continuity; the goal of most of these letters was to justify or ask a question about prolonged silences, the shortage of embassies, and the long absence of an exchange between the two states. Consequently, the diplomatic practices of the Mamluks and Golden Horde fit into the long favorable period of the general evolution of clerical regulations.

Keywords: history, Golden Horde, Mamluk sultans, diwan al-inshaʿ, letters, manuals

For citation: Favereau M. How the Mamluk Sultan Addressed the Golden Horde's Khan. The Form of Letters and Rules for Their Compilation. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 41–84. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.41-84

* Originally published by Institut français d'archéologie orientale. For original publication: Favereau M. Comment le sultan mamlouk s'adressait au khan de la Horde d'Or. Formulaire des lettres et règles d'usage d'après trois manuels de chancellerie (1262–v.1430). *Annales Islamologiques*. La Caire: Institut français d'archéologie orientale, 2008. Vol. 41, pp. 59–95.

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0), which permits non-commercial re-use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. Advance Access published on March 29, 2018.

Специалисты по средневековой арабо-мусульманской дипломатике еще делают свои первые шаги, особенно в изучении тюркского мира. Главная причина, по словам специалистов по *Дар ал-ислам*, состоит в том, что мы сохранили слишком мало рукописных следов, исходящих из исламских администраций. Проблема исчезновения части первоисточников, между тем, может быть очерчена через более систематический анализ «второстепенных источников». Этот метод оказывается особенно эффективным для дипломатической переписки¹, о которой мы располагаем косвенными свидетельствами большой надежности. Между тем, еще многое остается сделать, идет ли речь об исследовании в архивах или «критической подчистке» источников второго плана. Первый этап, который позволил бы предпринять исследования в этой области, состоял бы в том, чтобы различать эпистолярные правила, которые управляли этими переписками, основываясь на надежной систематизации *мука табат* (дипломатических писем). Следовательно, в этой статье мы выделили корпус изданных источников, который остается не полностью использованным. Хотя и составленный из переписанных писем, он является достаточно надежным, чтобы дать нам возможность воссоздать не только часть переписки между мусульманскими суверенами, но и, в особенности, формуляр и модели, которыми пользовались секретари канцелярии для составления канвы этих дипломатических посланий. Этот корпус составлен из учебников канцелярии трех крупных писателей мамлюкского султаната²: Ат-Та'риф фи ал-мусталах аш-шариф (*al-Ta'rif fi al-muṣṭalaḥ al-šarīf*) Ибн Фадл Аллаха ал-'Омари (ум. 749/1349 г.), «Ат-Таскиф фи ал-та'риф» (*al-Taṭqīf fi al-ta'rif*) Таки ад-дин Ибн Назира ал-Жайиш (ум. 786/1384 г.) и «Субх ал-а'ша фи сина'ат ал-инша» (*Ṣubḥ al-a'šā fi šinā'at al-inšā'*) ал-Калкашанди (ум. 821/1418 г.).

Это исследование дает возможность изучить некоторые вопросы формы и протокола, управляющих «письменными отношениями» между мамлюками и Чингизидами Золотой Орды. Но также дает возможность пролить свет на способ, определявшийся строгими правилами, с помощью которого султаны обращаются к ханам. Нашей целью будет определить, вдохновлялись ли мамлюки правилами канцелярии Джучидов, и можно ли говорить о взаимовлиянии между тюркскими, монгольскими и арабскими эпистолярными практиками этого периода. Следовательно, нам надо будет начать с воссоздания контекста, в котором зародились отношения между мамлюкским султанатом и Золотой Ордой.

Тем не менее, мы не предлагаем осуществить полный синтез дипломатических отношений, которые связывали два мусульманских государства. Такое исследование, никогда до этого не проводившееся, заставило бы вступить в очень обширные размышления и отдалило бы нас от первоначальной

¹ Редакция этих писем касается лишь специфического аспекта правил, управляющих производством официальных документов. Для общей арабо-мусульманской дипломатики необходимо было бы принять в расчет также все другие документы, произведенные административными кадрами (фирманы, письма, адресованные функционерам или иностранным коллегам, и т.д.).

² Для определения *Диван ал-инша* в мамлюкском султанате в черкесский период и функции главных *кумтабов*, см. Martel-Thoumian, *Les civils et l'administration* [57, p. 40–47; 133–141].

цели. Только труд Закирова³ прямо подошел к вопросу дипломатических отношений между Золотой Ордой и мамлюкским султанатом⁴, но многочисленные лакуны и использование ограниченного корпуса⁵ источников не позволили ему исследовать сюжет во всей полноте. Тем не менее, это не означает, что это поле не было освоено исследователями: большинство историков, работавших над мамлюкско-ильханидскими отношениями⁶, вынуждены были, более или менее глубоко, изучать этот вопрос⁷. Таким образом, мы обозначим лишь основные линии исторического контекста, в котором был заключен этот альянс. Для уточнений, касающихся дипломатических ставок, которые лежат в основе отношений между мамлюками, Ильханидами и Золотой Ордой, мы отсылаем читателя к относительно обширной научной библиографии.

Золотая Орда и мамлюкский султанат: рождение согласия, которое продолжится почти два века.

Если сегодня не нужно никому представлять государство мамлюков, то Золотая Орда является государственным образованием, менее известным специалистам по мусульманскому миру, и требует исторической презентации. Это государство, которое постепенно создается, начиная с восточных завоеваний Монгольской империи в 20-е годы XIII века, обязано своим образованием старшему сыну Чингиз-хана, Джучи. Веком позже оно покрывало значительную часть территорий нынешней России, Казахстана, Туркменистана, Кавказа, Украины, дунайской Болгарии и Хорезма. Суверены Золотой Орды и джучидская элита быстро пропитывались тюркской культурой и обращались в суннитский ислам, по-прежнему сохраняя живой монгольскую и кочевую традицию, система представлений которой была структурирована в форме анимизма⁸.

Внешняя политика Золотой Орды в реальности начинается с открытости по отношению к мамлюкам. Кажется, что речь идет о первой «ассоциации» между государством Чингизидов и нечингизидским государством. Прежде единственного долгосрочного альянса между Золотой Ордой и мамлюкским султанатом надо сказать о двух больших периодах альянса. Первый, против Ильханидов, начинается в 660/1261–1262 годах и продолжается с достаточно формальными радушными дипломатическими обменами до второй половины

³ Закиров, *Дипломатические отношения Золотой Орды* [2]. Этот труд, датированный 1966 годом, только что был переиздан. Не имея доступа к переизданию, мы не можем уточнить, является ли оно «идентичным» или переработанным.

⁴ Исключая несколько отдельных трудов, как Исламов, *Золотая Орда* [3], и ал-Хаджи, *al-'Alaḳāt bayna Dawlat al-Mamālīk wa-Dawlat Muḡul al-Qiḡḡaq* [35].

⁵ В частности, автор остается очень зависимым от издания В. Тизенгаузена [5; 6] для арабских и персидских источников.

⁶ Ильханиды противостояли мамлюкам и ханам Золотой Орды. Их государство, основанное Хулагу, внуком Чингиз-хана, находилось на территории, соответствующей нынешнему Ирану, Ираку, большей части Турции, Кавказу, Северному Афганистану и Туркменистану [70].

⁷ Мы обратимся, особенно, к работам Реувена Амита, Давида Айалона, Чарльза Гальперина, Дональда П. Литтл и Джудит Пфайфер, оцифрованные в базе данных университета Чикаго: *The Online Mamluk Secondary Bibliography* [73].

⁸ По этому сложному взаимодействию между исламизацией и сопротивлением старых традиций, см. DeWeese, *Islamization* [25].

XIV века⁹. Второй совпадает с приходом к власти хана Токтамыша. Тот выбирает «реактуализацию» дипломатических отношений с мамлюкским султанатом, основываясь на совместном противостоянии Тамерлану¹⁰. Этот альянс против Тимур-и Ланга продолжится лишь десять лет, с 786/1384–1385 года (первое посольство Токтамыша к мамлюкскому султану) до приблизительно 798–799/1395 года (дата политического краха Токтамыша). Впоследствии дипломатические обмены между двумя государствами будут все более и более спорадическими, чтобы окончательно прекратиться в XV веке. Мы придадим больше значимости историческому контексту первого альянса, поскольку он дает солидный объем дипломатических обменов и поскольку правила переписки между двумя государствами существовали без изменений.

Если эти альянсы всякий раз объединяло совместное противостояние третьей стороне (Ильханидам, затем Тамерлану), то причины, которые толкали мамлюков и Джучидов к сближению в 1260-е годы, оставались не менее сложными и связанными со многими факторами. В особенности надо принять в расчет тот факт, что речь идет о деле двух людей: Бейбарса (658–676/1260–1277 гг.), мамлюкского султана, и Берке (655–665/1257–1267 гг.), хана Золотой Орды. Первый был кыпчакского происхождения¹¹, отсюда определенный «культурные сговор» между мамлюками и частью джучиевой элиты, так как, даже если ханы не были кыпчаками¹², этот кочевой народ рассматривается как жизненная сила Золотой Орды. Хан Берке, в свою очередь, открыто объявляет себя мусульманином, что теоретически ставит его в то же поле, что и мамлюкского султана Бейбарса, против «неверных» Ильханидов. Внук Чингиз-хана, он был первым мусульманским сувереном Монгольской империи. Интересно отметить, что то, что мы называем «переходом Берке в ислам»¹³, является не следствием этого альянса, а, по словам мамлюкских историков, приводящим в движение фактором, который побудил султана Бейбарса завязать дипломатические отношения с Золотой Ордой. Во всяком

⁹ Война между Ильханидами и мамлюками официально заканчивается в 1323 году (переговоры с мамлюками, предпринятые ильханом Абу Саидом в 1320 году, привели к мирному договору в 1323 году, положив, таким образом, конец шестидесятилетней войне): [11]. Конфликт между Золотой Ордой и Ильханидами останется скрытым до конца ильханидского государства (756/1355). В 759/1357–1358 году Азербайджан будет снова на короткий срок занят Золотой Ордой, и в царствование Токтамыша возобновятся рейды на кавказские регионы, которые ханы никогда не перестанут требовать себе.

¹⁰ О противостоянии между Тамерланом или Тимур-и Лангом (771–807/1370–1405) и Токтамышем см. среди прочего: Charmoy *Expedition de Timour-i-lenk* [23]; DeWeese «Токтāmish» [27] и Manz, *The Rise* [56].

¹¹ Тюркофонские кланы, некоторые из которых являются христианами или мусульманами, кочуют в зоне, называемой Дешт-и-Кыпчак (равнина Кыпчак), соответствующей в общих чертах Южной России, югу долины Волги и региону, который отделяет Черное море от Каспийского моря. Начиная с XII века, эти народы назывались куманами или половцами в немусульманских источниках; то, что, возможно, соответствует слиянию племенных конфедераций (куманов и кипчаков), по-прежнему различных (Hazai «Қірқақ» [36]; Vásáry *Cumans* [75]).

¹² Они станут постепенно «тюркоязычными, помнящими о своем монгольском происхождении», по превосходному выражению Реувена Амитая [11, p. 376].

¹³ По этому сюжету имеются три больших исследования: Richard, «La conversion de Berke» [66]; DeWeese «*The Kashf al-Khudâ*», [26, p. 25–38, 97–101 (докторская диссертация, которую мы, к сожалению, не смогли изучить)]; Vásáry «History and Legend» [74].

случае, этот аргумент выдвинут в первом мамлюкском послании, адресованном хану в 660/1261–1262 году. В этом письме, которое достигло Берке при посредничестве аланских торговцев¹⁴, Бейбарс приветствует его «переход» в ислам и поощряет его к борьбе с Хулагу [38, р. 88–89]. Религиозная позиция Берке, пожалуй, в самом деле, имела большой резонанс. Таким образом, определение даты, когда он открыто объявил себя мусульманином, отнюдь не является второстепенным вопросом. Также можно задаться вопросом о связи между его религиозным позиционированием и вступлением в конфликт с Хулагу, так как, если нам известна приблизительная дата открытия военных действия, то трудно определить с точностью, к какому сроку восходит тесная близость между двумя суверенами-чингизидами.

Даже если, согласно некоторым источникам¹⁵, переход Берке был вдохновлен саибом Саиф ад-дином Бахарзи¹⁶, сподвижником Наджм ад-дин Кубры, в Бухаре, то также вероятно, что он получил с раннего детства мусульманское воспитание. К тому же его не следует воспринимать как воплощение изолированного и субверсивного пристрастия: два его брата были также мусульманами, как и его главная супруга (Гучек хатун), и несколько приближенных к нему представителей монгольской элиты. Жан Ришар высказывает по этому сюжету хорошо аргументированную гипотезу: мать Берке (Султанхатун), дочь султана Хорезма, была мусульманкой, и, фактически, Берке рос в мусульманской среде¹⁷.

Следовательно, предпочтительно избегать термин «переход», который означал бы, что Берке сменил религию, тогда как он, по всей видимости, всегда был мусульманином. Наконец, полезно уточнить, что исламизация волжских регионов началась не в его царствование. Ни мамлюкское влияние, ни желание заявить о противостоянии с Ильханидами не повернуло народы Золотой Орды к мусульманской религии. Когда формируется государство, ислам уже долгое время укоренен в некоторых регионах, которые станут веду-

¹⁴ Ираноязычный народ Северного Кавказа и, гораздо раньше, востока Каспийского моря. В эпоху монгольского вторжения они в своей массе были христианами греческого обряда, но мы находим также присутствие мусульманских групп, особенно в Золотой Орде (Barthold, «Alān»[14]).

¹⁵ Мы найдем список в книге Vásáry *Cumans* [75] (аз-Захаби, Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари, ал-‘Айни, ал-Калкашанди, Джужджани и Шаджарат ат-атрак из наиболее важных).

¹⁶ Некоторая информация о его биографии имеется в книге Vásáry, *Cumans* [75, р. 242–243]. Исламская легенда рассказывает, что Берке, подталкиваемый и вдохновляемый саибом Бахарзи, захватил власть в Золотой Орде и заодно боролся с Хулагу. Возможно, что этот саиб поддерживал Берке в его восхождении к власти, так как было явно в интересах религиозной элиты Мавераннахра видеть мусульманского хана во главе Золотой Орды. Кроме того, согласно устной традиции, переданной Джужджани, джучидская власть в Мавераннахре была очень уважаема мусульманами [75, р. 248–250].

¹⁷ Richard «La conversion de Berke» [66]. Его исследование основывается на двух источниках: с одной стороны, история султана Хорезма Джелал ад-дина Мангуберди, написанная Мухаммадом ан-Несеви (al-Nasawī, *Sirat al-sultān*, transl. Houdas [59, р. 70, 305]), и с другой стороны, Му‘изз ал-Ансаб (Mu‘izz al-Ansāb, fol. 17: Sultān-Ĥātūn, называемая Ĥān-Sultān), который представляет жену Джучи, мать Берке, как мусульманку.

щими зонами джучидской цивилизации: в Хорезме с VIII века¹⁸ и в Волжской Булгарии, по крайней мере, с X века¹⁹. Факт, что Берке официально отстаивает свою принадлежность к мусульманскому сообществу²⁰, является началом подлинного политического выступления, занятия позиции внутри Монгольской империи и на дипломатической сцене²¹. В этом случае суверены Золотой Орды решают обратиться к мамлюкам, что приводит позже к заключению матримониального альянса между двумя державами.

Война между Джучидами и Ильханидами началась лишь три года спустя после взятия Багдада [50, p. 233–234]. Известно, что Берке не сопротивлялся этому вторжению, ни разрушению Аббасидского халифата: он еще поддерживал проект Чингизидов по «завоеванию мира»²². Таким образом, принадлежность к исламу не направляет его действия, но позволяет ему их оправдать из последующего и если необходимо²³. Гипотеза о религиозном факторе, как определяющем в начале конфликта между Берке и Хулагу, должна быть, таким образом, отброшена.

Подлинные причины их разногласий находятся скорее в ссорах из-за первенства и авторитета, которые истощают Монгольскую империю. С одной стороны, трудности, с которыми сталкивается Берке, чтобы занять трон, играли определенную роль (а), а с другой стороны, статус новых завоеваний и конфликты вокруг избрания великого хана решительным образом способствовали ухудшению отношений между Чингизидами (b).

а. После смерти хана Бату в 1256 году вспыхивает конфликт между сторонниками Берке и сторонниками Туда-Менгу. Влиятельные люди в Золотой Орде призывают тогда к Хулагу. Согласно источникам, речь идет либо о женщине, именуемой Боракчин, либо о группе эмиров Золотой Орды²⁴. Эта Бо-

¹⁸ Арабское завоевание Хорезма было осуществлено 93/712 году Кутайба бин Муслимом ал-Бахили. Регион постепенно исламизируется, чтобы стать, как Хорасан и Мавераннахр, одним из центров суннитского знания (Bosworth, «Khwarazm» [19]).

¹⁹ Ибн Руста в труде, написанном между 290 и 300/903–913 годами, отмечает, что болгары являются мусульманами уже некоторое время (Ibn Rusteh, *Les Atours précieux*, [48, p. 158–159]). Предположения Ибн Фадлана, который делает намек в своем рассказе о путешествии на недавнее обращение болгар в 309–310/921–922 годы, должны быть, таким образом, нюансированы (Ibn Faḍlān, *Risāla* [43, p. 67–69]).

²⁰ *Terminus ante quem* этой официальной декларации был 1253 год (Vásáry, *Cumans* [75, p. 236]) и мог бы иметь связь с саибом Бахарзи и городом Бухара, даже если источники сотканы из легендарных рассказов [75, p. 241–242]. Ж. Ришар показывает, что две версии не являются несовместимыми: Берке мог одновременно получить исламское воспитание и публично объявить себя мусульманином под влиянием саиба Бахарзи (Richard, «La conversion de Berke» [66]).

²¹ Надо все-таки уточнить, что глубокая имплантация ислама на землях Орды и внутри правящего класса Джучидов займет еще несколько поколений и будет оставаться хрупкой до царствования хана Узбека (712–741/1312 или 1313–1341 гг.).

²² Проект, в который он верил, без сомнения, еще долго (ср. Ibn Wāṣil [5, p. 72]; ал-Юнини [76, p. 535]).

²³ По этому сюжету см. интересные замечания Реувена Амитаи [11, p. 377], который указывает, в контексте ильханидо-мамлюкского конфликта, на то, что факт мусульманской принадлежности никогда не мешал суверенам сражаться друг с другом.

²⁴ Версия 1: Ибн Халдун [45, p. 534] и ан-Нувайри (*Nihāyat al-Arab* xxvii, [60, p. 359]), который придерживается, вероятно, в своей версии (наполненной генеалогическими ошибками) хроники Рукн ад-дина Бейбарса (по этому сюжету см. Amitai «Al-Nuwayrī as a

ракчин, поддерживающая своего сына (Туда-Менгу) или своего внука (Улагчи), была убита сторонниками Берке около 1257–1258 года после того, как вступила в контакт с Хулагу²⁵.

Эта версия событий была оспорена Б. Шпулером и П. Пельо²⁶, утверждающими, что мы не можем полагаться на эти рассказы, выдвигающие на первый план женщину, происхождение которой однозначно не установлено²⁷. Они допускают, что женщина, именуемая Боракчин, играла определенную роль в событиях, которыми отмечено вступление на трон Берке²⁸. Обстоятельства, в которых он приходит к власти, были явно конфликтными, с одной стороны, с полюсом, объединяющим запутанным образом сторонников Боракчин, Улагчи и Сартака (группа, которая добивалась поддержки Великого хана Мунке и Хулагу), и, с другой стороны, с Берке и его сторонниками. Вражда между последним (мусульманином) и Сартаком (христианином-несториянцем) ставится на первый план, иногда в исключительной манере, в большинстве источников. Также добавляют, что Сартак, который был умерщвлен насильственным способом в 1256 году, был отравлен Берке после того, как был назначен Мунке ханом. Итак, если Мунке поддержал Сартака против Берке [50, р. 223–225], то, вероятно, что Хулагу, лояльный по отношению к Великому хану, своему брату, равным образом поддержал противника Берке. В этом событии наиболее вероятно, что разрыв между Берке и Хулагу произошел раньше, по всей видимости, с 1256 года, со смерти Бату, либо до прихода на трон Берке (1257 год) и до взятия Багдада (1258 год). Следовательно, надо отличать «разрыв» между Джучидами и сторонниками Хулагу (который датировался 1256 годом) и «войну» между Золотой Ордой и Ильханидами (которая начинается зимой 1261–1262 года)²⁹.

б. К конфликтам, рожденным из-за права наследования на Джучиев трон, надо добавить не менее сложные, касающиеся наследования во главе Монгольской империи и первенства между Чингизидами. Мы не распространяемся на многочисленные причины «распада Монгольской империи»³⁰, которые выходят за рамки этого исследования. Вот основные линии этого сюжета.

Historian of the Mongols» [10, р. 31–33]); версия 2: Утемиш-хаджи, Абдулгаффар Кырыми (Vásáry, *Cumans* [75, р. 244]).

²⁵ Vásáry, *Cumans* [75, р. 243–244]. Она отправила письмо Хулагу, в котором предложила ему трон Золотой Орды (al-Nuwayrī, *Nihāyat al-Arab* xxvii, [60, р. 359]).

²⁶ Spuler, *Die Goldene Horde* [71, р. 34]; Pelliot, *Notes* [62, р. 39–44].

²⁷ В действительности, эта Боракчин была представлена либо как жена Тогана, либо как жена Сартака, либо, наиболее вероятно, как главная жена Бату (Vásáry, *Cumans* [75, р. 245, note 40]).

²⁸ Это равным образом точка зрения Vásáry [75, р. 245].

²⁹ Мы разделяем по этому пункту мнение Питера Джексона [50, р. 223–227] против мнения Бертольда Шпулера [71, р. 34] и Поля Пельо [62, р. 39–44], которые считают, что противостояние между Берке и Хулагу началось лишь, когда Берке вступил на трон (1257 г.) и после взятия Багдада (1258 г.).

³⁰ Согласно выражению Питера Джексона [50], который предлагает хорошее изложение библиографии по этому сюжету.

Неясность, которая окружает вопросы вокруг первенства, правила которого не были четко определены Чингиз-ханом³¹, находится у истоков большинства политических конфликтов внутри Монгольской империи и объясняет, с одной стороны, противостояние между Джучидами и Чагатаидами³² в регионах Хорезма и Мавераннахра и, с другой стороны, притязания Джучидов на Кавказ, которые приведут к вступлению в войну Золотой Орды против Ильханидов. Эти притязания, какими бы законными они не были, восходят к прежней эпохе, эпохе Чингиз-хана или, позднее, эпохе Мунке [50, р. 208–212]. Последний вступает на трон после смерти в 1248 году великого хана Гуюка и благодаря поддержке Бату³³, старейшины Чингизидов. Тогда он предпринимает мощную кампанию против Чагатаидов и Угедейидов, которые не поддержали его приход к власти, и улус Чагатая (в общих чертах соответствовавший Мавераннахру и западному Туркестану) временно переходит в руки Джучидов. Монгольская империя тогда была разделена на две крупные сферы влияния: на востоке – владения Мунке, на западе – владения Бату.

В 1253 году Мунке посылает своего брата Хулагу на Запад на новые завоевания³⁴. В этой экспедиции он сопровождался другими родственниками-чингизидами (особенно внуками и правнуками Джучи). Тогда вопрос об основании ильханидского государства не стоял [50, р. 221–222]. Именно с взятием Багдада в 1258 году Хулагу и его сторонники начали разграничивать территорию. Но, делая это, они предприняли шаги в зоне, которую Джучиды рассматривали как принадлежащую им, ведя таким образом к неизбежному разрыву с последними. После взятия Багдада Хулагу добился декрета от Великого хана, доверяющего ему высшую власть на новых землях, побудив отодвинуть от нее джучидских принцев, которые противились захвату им власти³⁵. Согласно П. Джексону, этот эпизод, который мог произойти лишь после смерти Мунке³⁶, является настоящим зачинателем войны. В мамлюкских источниках приведены многочисленные причины, описывающие развязывание конфликта: он зародился либо в ходе иранской кампании (около 1256 года), когда Джучиды хотели собрать дань с города Герат, в чем им было отказано новым маликом, поддержанным Хулагу; либо, фактически, когда Берке попытался обезопасить налоги и добычу, с которой он возвращался из

³¹ Три способа наследования находятся в противоречии: в зависимости от срока рождения, по старшинству и на серьезном основании [50, р. 193–195].

³² Так называли наследников Чагатая, второго сына Чингиз-хана, которые основали государство в Центральной Азии, центром которого был Мавераннахр (Barthold, «Čaghatai» [13]).

³³ Согласно слухам, Гуюк был отравлен сторонниками Бату. Мунке становится официально великим ханом 9 раби II 649 / 1 июля 1251 года.

³⁴ Целью было не взятие Багдада, а уничтожение могущественных исмаилитов-низаритов (известных также под именем Ассасины). Знаменитая крепость Аламут, располагавшаяся на утесе в центре гор Эльбурса, на северо-северо-восток от Казвина, между 483/1090 и 654/1256 годами была центром этой державы, чьи сторонники распространились от Сирии до Восточного Ирана. См. Jackson, «The Dissolution» [50, р. 224] и Lockhart, Hodgson «Alamūt» [50]. В общем, цель Мунке была расширить и консолидировать завоевания, усиливая таким образом власть и легитимность Толуидов.

³⁵ Чтобы изучить эти факты и источники, см. Ayalon, «Yāsa/b» [12, р. 174–176]; Jackson «The Dissolution» [50, р. 232–233]; Amitai, *Mongols* [9, р. 78–86].

³⁶ Даже если источники говорят о Мунке, этот декрет мог скорее исходить от Хубилая, великого хана с 1259 до 1294 года (Jackson, «The Dissolution», [50, р. 234]).

Ирана; либо потому, что после смерти Мунке, Хулагу и Берке не поддерживали одного и того же кандидата; либо, наконец, потому что Хулагу убил трех джучидских посланцев или лейтенантов Берке [50, р. 222–223, 226–227]. Все эти эпизоды в действительности сопоставимы между собой. Если кажется более логичным зафиксировать последний как решающий фактор, то по причине тяжести события убийство представителя чингизидской власти рассматривалось как объявление войны.

Хулагу тогда опирался на Хубилая, который был к нему благосклонен в той мере, в какой Берке поддерживался в то время его принципиальным противником (Ариг-Буга). Война с Золотой Ордой начнется зимой 1261/1262 года³⁷.

Таким образом, главной ставкой сражающихся была не религия (хотя она могла этому способствовать), а захват Хулагу земель, который были частью сферы влияния Джучидов. Если территориальный аспект конфликта является ясным, то он таит также иное, более глубокое, связанное с суверенитетом и статусом завоеваний. В этом деле, кажется, что Джучиды были правы. П. Джексон показывает, что в 1240-е годы они управляли Ираном и прилегающими в направлении запада регионами [50, р. 212–219]. Следовательно, мы понимаем, что аннексия Ирана и Кавказа Хулагу была расценена как акт узурпации; тем более, что одновременно с осуществленным завоеванием предусматривалось возвращение их Мунке³⁸. Суверены Золотой Орды, к тому же, всегда оправдывали свои нападения против Ильханидов, ссылаясь на то, что возвращали свое право на территории Южного Кавказа, Аррана и Азербайджана, излюбленных мест пребывания Ильханов [50, р. 208].

Между январем и июлем 1262 (660) года новость о начале войны Джучидов против сторонников Хулагу достигла Египта. Эта информация лежит, вероятно, у истоков первого мамлюкского посольства в Золотую Орду³⁹.

В Зуль-хиджа 660/ ноября 1262 года Бейбарс получает уточнения о конфликте благодаря беглым монгольским войскам (вафидийя), которые формировали джучидский контингент в Иране. Так как они напрямую подвергались опасности со стороны Хулагу, Берке приказал им присоединиться к нему или, за невозможностью этого, примкнуть к мамлюкскому султану, который, следовательно, впервые появляется уже как его союзник⁴⁰. Впервые принц-чингизид (Берке) сотрудничает с независимой властью (мамлюкским султанатом) против других монголов (сторонников Хулагу).

Следовательно, каким был фундамент этого джучидо-мамлюкского соглашения, которое приводит к их реальному дипломатическому вовлечению?

Можно сделать вывод из содержания переписки, в которой целями этого альянса провозглашались:

³⁷ Согласно армянским и мамлюкским источникам [50, р. 233].

³⁸ См. Jackson ([50, р. 220–222], опирающийся особенно на сведения Рашид ад-Дина).

³⁹ Jackson [50, р. 237]; Amitai, *Mongols* [9, р. 80–81]. Религиозная принадлежность Берке, уже известная Бейбарсу, не является, следовательно, решающим элементом, который подтолкнул его вступить в дипломатические отношения с Золотой Ордой, даже если в своем письме султан упоминает мусульманскую веру хана.

⁴⁰ Amitai, *Mongols* [9, р. 81].

1. Гарантировать, что продолжится борьба против общего врага и совместные дипломатические демарши, имеющие целью изолировать врага и способствовать открытию второго фронта;

2. Гарантировать, что караваны и торговцы продолжают циркулировать и, в частности, что ничего не помешает перемещению и торговле рабами-военнопленными кыпчаками⁴¹.

Мамлюки зависели от снабжения рабами, необходимыми для усиления их армии. Итак, начиная с 1243 года, сухопутные пути, соединяющие Кавказ с Сирией, переходят под контроль монголов, и с 1260-х годов Ильханиды получили возможность воспрепятствовать людскому снабжению мамлюкской армии, таким образом, провоцируя их военную слабость. Обновление мамлюкской элиты было также поставлено под угрозу, им было необходимо быстро найти другие пути, чтобы перевозить рабов и избежать ильханидского эмбарго. Таким образом, мамлюки будут способствовать развитию торговли на пространстве Черного моря, где, начиная с XIII века, процветали венецианские и генуэзские морские фактории. Они умножат контакты с Византией и Золотой Ордой с целью покровительствовать этому новому торговому пути. Традиционно караваны, которые пересекали понтийскую зону, проходили через Малую Азию, но вследствие начала конфликта Ильханидов с султанатом и Золотой Ордой новый путь, который был освоен, чтобы сопровождать рабов в мамлюкский султанат, соединил Крым и Египет через Босфор. Он имел преимущество, одновременно изолируя Ильханидов и укрепляя связь между Черным и Средиземным морями [29, р. 335–345]. Мы понимаем интерес, который мамлюки проявляли к Золотой Орде, их наиболее ценному союзнику в торговле рабами-военнопленными кыпчаками, и с какой целью они поддерживали притязания Джучидов на Кавказ.

Таким образом, их согласие основывалось на военных актах, на необходимости для обеих партий быть информированными как можно быстрее и в духе искренности; отсюда постоянные обмены посольствами, посланиями и письмами в мире, где коммуникации затруднены⁴². Мы понимаем равным образом, что, чтобы быть на высоте политических, военных и экономических ставок своего времени, им было необходимо установить и уважать в контексте войны строгие эпистолярные правила, когда фальсификации документов и практики шпионажа являются обычным делом.

Наконец, если невозможно говорить о стремлении сформировать кыпчакско-монгольский блок, тем не менее, напомним, что этот дипломатический альянс является делом двух «династий»: династии Батуидов и династии мамлюков Бахритов. Их согласие основывается на реальных культурных связях, даже если их трудно «материально» определить. Формальное исследование мамлюкских писем, адресованных ханам, позволит уточнить, насколько их

⁴¹ Торговля рабами-кыпчаками была, очевидно, одной из причин существования отношений между мамлюками и Золотой Ордой. По этому пункту, см. Ehrenkreutz, «Strategic Implications» [29].

⁴² Путешествие между двумя государствами было довольно долгим (примерно 75 дней), тем более что посредники, в частности, византийцы, часто вели двойную игру и располагали средствами, чтобы помешать посланиям достигнуть адресата (Ayalon, «The Great Yāsa» [12, р. 129]). О роли Византийской империи, см., в особенности, Amitai, *Mongols* [9, р. 91–94].

дипломатические обмены, даже если они были малопродуктивными политически, влияли на канцелярские практики двух государств.

Три учебника канцелярии мамлюков

Мы попытались определить содержание этих «эпистолярных правил», которое служит основанием для всей мамлюкско-джучидской переписки, через корпус текстов, созданных непосредственно мамлюкскими секретарями Дивана ал-инша между 1340 и 1410 годами⁴³. Чтобы это сделать, мы приняли в расчет не собрание писем, предназначенных для канцелярии⁴⁴, а три крупных учебника *адаб ал-инша* (руководство по составлению административных документов и посланий). Мы использовали следующие современные академические издания этих работ: Ат-Та'риф фи ал-мусталах аш-шариф (*al-Ta'rif fī al-muṣṭalaḥ al-šarīf*) Ибн Фадр Аллаха ал-Умари, изданный в Каире в 1312/1894–1895 годах⁴⁵; «Ат-Таткиф фи ат-та'риф» (*al-Taṭqīf fī al-ta'rif*) Таки ад-дин Ибн Назира ал-Жайиш, в издании Везели в Ифао 1987 года, и «Субх ал-а'ша фи сина'ат ал-инша» (*Ṣubḥ al-a'šā fī sinā'at al-inšā'*) ал-Калкашанди, изданного в Каире между 1918 и 1922 годами и переизданного в том же городе между 1963 и 1972 годами⁴⁶.

Эти труды были написаны секретарями канцелярии для молодых коллег. Мы находим в них правила, которым необходимо следовать при редактировании актов администрации. Эти «обычные правила» иллюстрировались примерами, извлеченными из более древних учебников или оригинальных архивов, еще находившихся в распоряжении авторов и иногда даже составленных ими на протяжении службы. Таким образом, можно было бы сделать вывод, что речь идет о крайне надежных источниках, в том что касается содержания и формы дипломатических писем, которые они представляют. Но авторы этих учебников не имеют призвания историка, их цель – предложить читателю наиболее надежные и эффективные дипломатические кодексы и в этом духе установить то, что надлежит назвать «эпистолярными моделями». Тем самым, они никогда не дают полный текст послания, в особенности, они

⁴³ Если эти источники были написаны сравнительно позже первых лет отношений между Золотой Ордой и султанатом, то они, тем не менее, составлены из документов, относящихся к этому периоду. Их авторы устанавливают географическое и политическое положение мест, одновременно современное и предшествующее периоду их редакции.

⁴⁴ То, что называют *муниа'ат*, которые содержат априори подлинные документы, которые секретари черпали в архивах и которым они придавали ценность модели, образца. Они заслуживают отдельной обработки и должны быть отмечены в учебниках канцелярии. Приведем в качестве примера *Кахват ал-инша'* Ибн Хиджа, сборник канцелярии мамлюкской эпохи (первая треть XV века), к которому мы сможем обратиться в недавнем издании Veselý (2005).

⁴⁵ Это издание было практически идентичным *Dār al-kutub al-'ilmiyya* Бейрута (1988); разделы, касающиеся переписки с Золотой Ордой, во всяком случае, там точно такие же. Более близким к нему изданием (к сожалению, недоступным для нас) является издание Самира ал-Друби *A Critical Edition of and Study on Ibn Faḍl Allāh's Manual of Secretaryship* (1992, Иордания), в двух томах, с первым, содержащим критическое издание текста, и со вторым на английском языке – библиографию автора и заметки.

⁴⁶ Другим недавним изданием является издание Бейрута (1987). Для целостного видения содержания этого монументального труда мы будем обращаться к: Vjörkman, *Staatskanzlei* [18].

убирают априори очевидную информацию для читателя и уже упомянутую в предшествующем разделе, так же, как и добрую часть *матн*: корпус текста, который содержит рассказ или изложение мотивов в начале письма. Их интерес основывается, прежде всего, на материальной и риторической презентации письма (число разделов, из которых оно составлено, обычные формулы, бумага, чернила, *калам*...), а не на содержании текста и рассказываемых событиях.

Наконец, подавляющее большинство этих учебников представляет лишь письма, написанные мамлюкской канцелярией, и не интересуется составом посланий, полученных султаном⁴⁷ (вопреки *муниа'ат*, которые могут содержать одновременно отправленные и полученные письма).

Их главный вклад состоит в уточнении истории отношений между мамлюками и Золотой Ордой, позволяет нам предложить крайне интересную техническую точку зрения, свободную от политических случайностей и идеологических дискуссий. Они раскрывают нам, каким образом администрация мамлюков представляла относительно малоизвестное государство Золотая Орда в роли государства-союзника на протяжении продолжительного времени. Действительно, если мы посмотрим на состав разделов, то кажется явным, что Ильханиды проходят в них до Джучидов. Письма, адресованные ханам Золотой Орды, были представлены как частично идентичные письмам, посланным потомкам Хулагу, и глава, доставшаяся Джучидам, всегда составлена как дополнение к главе, зарезервированной за Ильханами. Последние тогда рассматриваются как эталонные суверены-чингизиды (мусульмане). Как можно объяснить этот курьез первенства, принимая во внимание глубокие конфликты, которые их противопоставили мамлюкам?

Во-первых, напомним, что эти учебники были составлены после обращения Ильханидов в ислам, и, даже если их отношения с султанатом оставались конфликтными, они были частью того *Дар ал-ислама*⁴⁸. Во-вторых, эта иерархическая странность может объясняться на основании литературного принципа представления мира, который благоприятствует государствам, более близким в пространстве (географическая близость, рассматриваемая как ценность сама по себе). Согласно арабцентристской, даже «египтоцентристской»⁴⁹ точке зрения, Ирак, Кавказ и Иран являются странами, менее отдаленными, чем волжские степи.

Когда мы основываемся на совокупности источников мамлюкского периода, нам кажется, что арабские авторы очень быстро и глубоко освоились в отношениях с Ильханидами, монгольскими суверенами, которые были лучше знакомы писцам (куттаб) Дивана ал-инша, чем Батуиды. Фрагментарное состояние источников не позволяет нам узнать, обменивались ли мамлюки

⁴⁷ Только ал-Калкашанди [63–64, VIII, р. 63–71] предлагает краткий раздел о письмах Чингизидов, адресованных султану, который почти исключительно посвящен Ильханидам. Несколько параграфов в форме посланий, исходящих от суверенов-чингизидов, обратившихся в ислам, касаются равным образом Золотой Орды, но были четко помещены после эпистолярных моделей Ильханидов [63–64, VIII, р. 64–65; 5, р. 403, 415–416].

⁴⁸ Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари, автор первого из этих трех учебников, умер в 749/1349 г.

⁴⁹ Напомним, что эти учебники систематически открываются географической частью, в которой следуют по иерархии все мусульманские государства, которые не имели счастья первыми принять ислам, но принадлежат, тем не менее, к Дар ал-ислам.

письмами и посольствами с ними, как и с Золотой Ордой⁵⁰. Но факт существования в соперничестве, очевидно, мотивировал взаимное любопытство, согласно знаменитому принципу, «чтобы победить своего врага, надо узнать его как можно лучше». На деле, султаны были больше заинтересованы в Ильханидах, чем в Джучидах Золотой Орды⁵¹. Наконец, есть важный пункт, на котором надо сделать акцент: если султаны – кыпчакского происхождения, то служащие канцелярии таковыми не являются. Таким образом, вероятно, существовали тесные связи между мамлюками и посланцами или торговцами, прибывающими из степей, между султаном и ханом (слова «братья» в обменных письмах отражали, без сомнения, определенную искренность), но секретари *Диван ал-инша* и авторы учебников в своем большинстве были тотально чуждыми этому миру⁵².

Эта иерархия стран и династий вновь встречается, согласно различным критериям, во всех главах, посвященных государству, которое вступало в отношения с султанатом. Что касается классификации, которая имеется в обращении к адресатам в письмах, она зависит от важности персонажей, которым адресуется султан или *катиб ад-диван*; переписка, не делающая исключения между суверенами, но равным образом и между министрами, членами канцелярии или верховными сановниками государства. Существование такой переписки, параллельной переписке суверенов, раскрывает интересные данные о внутреннем управлении Золотой Орды и мамлюкского султаната, которые смогут при случае, позволить нам дополнить исследование эпистолярных правил в рамках дипломатических обменов между ханами и султанами.

Кроме того, эти учебники позволяют также представить то, что можно было бы назвать «реальностью посольства»: послания, действительно, постоянно сопровождалась подарками и подношениями высшим сановникам (часто религиозным или близким к власти), роль которых не была второстепенной. Эти «посланники» (часто это те же, кто возвращается) прежде всего имели поручение, помимо тяжелой ответственности, довести до места письмо и подарки, передать устное послание, дополняющее письменное. Таким образом, текст писем никогда не был полным, и он не может, ни в коем случае, рассматриваться как содержащий всю информацию о дипломатическом обмене. Это не

⁵⁰ Согласно хроникам и энциклопедическим трудам мамлюкской эпохи, между 1261/1262 и 1395 гг. насчитывают более 70 обменов посольствами (следовательно, почтой) между султанатом и Золотой Ордой, сорок из которых прибыли от Джучидов и тридцать – от мамлюков. Вопрос регулярности и объема этих дипломатических обменов является проблемой самой по себе, которую мы надеемся решить в новой работе.

⁵¹ Дж.М. Роджерс говорит также о «монгольском вкусе» мамлюкской элиты. Он настаивает на факте, что, несмотря на состояние войны, влияние персидско-монгольского искусства оставалось очень глубоким и даже растущим в мамлюкском султанате. Он утверждает, что имеется только слабая возможность для того, чтобы эти монгольские влияния пришли из Золотой Орды. Очевидно, что этот вопрос требует дальнейшего изучения [67, р. 396–398].

⁵² Речь не идет о смешении культурных практик народа, из которого происходил мамлюкский суверен, с практиками арабской интеллектуальной и административной элиты. Об истоках *кутаб*, см. Martel-Thoumian, *Les civils et l'administration* [57, р. 123–132]; об отношениях между секретарями и мамлюками (военнопленными и солдатами), см. [57, р. 165–171]; о реальности тюркского присутствия в мамлюкском султанате мы обратимся к: Naarmann, «Arabic in Speech, Turkish in Lineage» [34].

должно, однако, нас вести к минимизации важности письменного послания. Последнее, носящее девизы суверенов, печати и официальные подписи, было главным гарантом подлинности посольства; что объясняет, почему отправители и адресаты уделяли такое внимание этому материальному аспекту. Это позволяет равным образом лучше представить практическую цель учебников канцелярии, раскрывая нам логику их внутреннего построения.

Эпистолярные модели

Для большей ясности в обращении с данными, мы разделили кодикологические и дипломатические элементы, которые были представлены в двух различных разделах. Эта дихотомия является, по всей видимости, искусственной и введенной не авторами учебников. Эпистолярные модели, предложенные в этих трудах, зависят от источников, находящихся в распоряжении секретарей канцелярии в момент их редакции. Каждый автор представляет, в целом, модель, сделанную в одной или нескольких копиях⁵³. Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари предлагает модель письма, не уточняя число оригиналов, которые он имел в своем распоряжении; Ибн Назир ал-Жайиш устанавливает модель по трем различным письмам, одно из которых извлечено из личных сочинений (первое для хана Узбека в эпоху султана ан-Насира Мухаммада б. Калавуна, либо между 712/1312–1313 и 741/1341 гг.⁵⁴; второе в 750-е годы⁵⁵ для хана Джанибека и третье, предназначенное хану Мухаммаду⁵⁶, в последней декаде *раби I* 776 года, либо между 30 августа и 8 сентября 1374 г.); ал-Калкашанди, воспроизведя письма своих предшественников⁵⁷, упоминает два письма: одно (без даты), очевидно, было его собственного сочинения, а другое (датированное 812/1409–1410 годом⁵⁸) составлено тогда, когда он исполнял обязанности в *Диван ал-инша* Каира. В той мере, в какой каждый берет почти полностью данные, переданные его предшественниками, надо рассматривать любой вариант как «дополнение», дополнительную возможность в редакции или в подготовке, а не как новшество, заменяющее прежнюю практику. Следовательно, мы посчитали важным, чтобы эти варианты были отражены в таблицах (смотри ниже) в форме абзацев, обозначающихся дефисами. Мы увидим, что все варианты следуют строгой кодикологической и

⁵³ В настоящем случае упомянутые копии отправляют только с письмами, адресованными ханам Золотой Орды, а не с письмами, составленными для Ильханов, равным образом использовавшихся секретарями, чтобы создать эти модели.

⁵⁴ Эти даты соответствуют царствованию Узбека. В 741/1341 г. Ибн Назир ал-Жайиш еще не вступил в должность в канцелярии Каира. Зато, два следующих письма были составлены в тот период, когда он там работал (Ibn Nāzīr al-Ġayṣ, *al-Taṭqīf*, intro. Veselý, [47, p. VIII–X].)

⁵⁵ 750 г. и следующие (*sanat nawayif wa-ḥamsīn wa-sab ‘imi’a*) в издании Veselý (Ibn Nāzīr al-Ġayṣ, *al-Taṭqīf* [47, p. 12]), но точно 756 г. в версии, цитированной ал-Калкашанди [63–64, p. 295].

⁵⁶ Мухаммад Пулак-хан.

⁵⁷ Чтобы не отягощать, мы убрали колонки, зарезервированные ал-Калкашанди для всех частей, извлеченных из трудов Ибн Фадл Аллаха ал-‘Омари и Ибн Назира ал-Жайиш, цитированных как таковые.

⁵⁸ Вероятно, для Пулак-хана, который только что взшел на трон (он царствовал с 811/1407–1408 г. до 816/1412–1413 г.).

дипломатической модели, и только небольшое отступление в употреблении было оправдано.

Материальный аспект посланий

Таблица А: Формат бумаги.

Мы располагаем точными указаниями, что касается формата (*qaṭ'*) листа бумаги, используемого, чтобы написать хану Золотой Орды. Действительно, речь шла о важной данности – как по причинам престижа, так и безопасности [37, р. 68] – и, тем самым, систематически упоминаемой секретарем канцелярии. В дипломатических рамках письмо пишется не на отдельном листе, а на нескольких листах равного размера (*waṣl*, pl. *awṣāl'*⁵⁹), склеенных между собой по длине и образующих *darg̃*, то есть *rotulus*⁶⁰. В целом, дается именно формат листа (ширина и длина), а не формат свитка, длина которого варьируется в зависимости от размера написанного текста. Бумага канцелярии, таким образом, определяется и назначается форматом. Ж. Юмбер, опирающийся на эти два главных источника мамлюкского периода⁶¹, отмечает, что формат «меняется в зависимости от типа акта или документа и, особенно, для официальной переписки, в зависимости от ранга адресата: чем выше ранг, тем больше формат письма»⁶². В данном случае, за небольшим исключением речь идет о листах формата «полный *bağdādī*», формате наиболее престижном, используемом в переписке между суверенами⁶³. Лист бумаги *bağdādī*, используемый мамлюкской канцелярией, измерялся локтем ширины (или 488 мм), а длина *waṣl* была одним локтем с половиной⁶⁴.

Между тем, мы отметим в одном из примеров, данных Ибн Назир ал-Жайишем, что бумага, используемая для письма хану, не является *bağdādī*, и ее ширина измеряется лишь тремя пальцами⁶⁵. Итак, если мы сошлемся на таблицу Ж. Юмбера⁶⁶, бумага с шириной в три пальца является самым маленьким форматом, используемым мамлюкской канцелярией. Она соответствовала ширине бумаги голубиной почты, бумаги очень тонкой, также используемой для депеш⁶⁷. Следовательно, вместо самой престижной бумаги секретарь пользуется бумагой меньшего формата. Как понимать такое расхождение в употреблении? Автор уточняет, что это послание было написано в ответ на письмо хана и по модели, идентичной ему. Это означало, что в неко-

⁵⁹ *Waṣl* может указывать на линию, оставленную чистой в письме, то есть интерлинию (Humbert, «Le manuscrit arabe» [37, р. 71]) и стык листов.

⁶⁰ См. [37, р. 70]: «*darj* является свитком бумаги вертикальной развертки, результатом нескольких соединений *waṣl* той же ширины».

⁶¹ Ал-Калкашанди (*Ṣubḥ*) и манускрипт *Диван ал-иниша*.

⁶² Humbert «Le manuscrit arabe» [37, р. 69]; al-Qalqaṣandī, [63–64, VI, р. 190–192].

⁶³ Al-Qalqaṣandī, *Ṣubḥ*, р. 190.

⁶⁴ Humbert, «Le manuscrit arabe» [37, р. 75]. Локоть измеряется, начиная с локтя каирской ткани (*ibid.*, р. 72). Только полный *maṣṣūrī* был гораздо более большим, чем полный *bağdādī*.

⁶⁵ «Прибыли к величественным проливам в 750 году, с письмом Джанибека б. Узбека, одного из потомков Чингиз-хана. Он ему написал (по возвращении) благородное послание, идентичное письму, пришедшему к нему, на бумаге не-*bağdādī*, в точности в три пальца» (*al-Taṭqīf*, р. 12–13).

⁶⁶ Humbert, «Le manuscrit arabe» [37, р. 73].

⁶⁷ Al-Qalqaṣandī, *Ṣubḥ*, [63–64, р. 192] (*al-qaṭ' al-ṣağīr*).

торых обстоятельствах вместо *bağdādī*⁶⁸ секретари предпочитали выбрать, среди форматов бумаги, бывших в их распоряжении⁶⁹, формат, наиболее близкий формату, использовавшемуся отправителем. В настоящем случае, выбор бумаги явно связан со «статусом» послания (письмо-ответ, посланное по возвращении посольства), которое было сделано не по старым письмам, посланным ханам, хранившимся в архивах *Диван ал-инша*, а по модели первоначального письма. Это метод, как мы увидим, может определять также выбор чернил, титулатуры или некоторых эпистолярных формул (ср. таблицу Е – ниже). Кроме того, этот случай, рассказанный Ибн Назир ал-Жайишем, важен для информирования нас о формате письма хана Джанибека, который был, вероятно, уменьшенной ширины (приблизительно 70 мм). В этом нет ничего удивительного. На деле, некоторые данные, которыми мы располагаем, касающимися бумаги, используемой канцелярией Золотой Орды⁷⁰, показывают, что дипломатический формат Джучидов, в целом, имеет вдвое меньшую ширину, чем мамлюкский *bağdādī*⁷¹.

Кроме того, другие форматы бумаги могли быть использованы в зависимости от стиля, служащего для редактирования текста⁷². Также ал-Калкашанди уточняет, что формат *bağdādī* используется только, если пишут хану на арабском языке. Известно, в действительности, что мамлюкская канцелярия использовала также уйгурский алфавит (называемый «монгольским»), чтобы переписываться с ханами⁷³.

Наконец, мы привлечем внимание к факту, что ал-Калкашанди пишет об использовании «бумаги формата полного *bağdādī*, выполненного на египетской бумаге, произведенной согласно канонам *bağdādī*». Это указание подтверждает гипотезу Ж. Юмбера [37, р. 71], который пишет, что терминология *bağdādī*, лежащая у истоков бумаги, сделанной в Багдаде в течение периода халифата, приняла назначение экспортируемого «формата-эталона». Таким образом, мам-

⁶⁸ Факт, что автор уточняет, что речь не идет о формате *bağdādī*, показывает, что это был обычный формат эпистолярных обменов между султаном и ханом. Это, к тому же, подтверждалось автором *китаб диван ал-инша*; тот отмечал другое нарушение правил: «письмо, которое было послано в 832 году Мохаммеду-хану, суверену Хорезма и Дешт-Кыпчака, было за неимением багдадской бумаги переписано на бумаге мансури, которая была на два пальца меньше, чем совершенная бумага (*al-kāmil*)». (*Dīwān al-inšā'*, transl. Quatremère, р. сxxxvi).

⁶⁹ Юмбер («Le manuscrit arabe» [37, р. 72, 73]) составил опись для мамлюкской канцелярии из 6 типов и 9 форматов бумаги.

⁷⁰ Исследование этого вопроса в моей докторской диссертации *La Horde d'Or de 1377 à 1502*, р. 232–236; Усманов, *Жалованные акты* [7] и Kurat, *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altınordu* [52].

⁷¹ Можно процитировать, например, формат трех ханских писем, адресованных оттоманскому султану (XV век), которые были написаны на бумаге шириной в 280 мм, 270 мм и 210 мм; что соответствует более или менее ½ каирского локтя. Даже если письма имеют ширину, превосходящую три пальца (приблизительно 70 мм), мы видим, что в джучидском употреблении дипломатическая бумага является более узкой, чем *bağdādī*.

⁷² *Şubh* [63–64, III, р. 53–55, 59–61; VI, р. 194–195].

⁷³ По вопросу используемых языков и алфавита, чтобы переписываться с ханами, см. таблицу С ниже.

люкская канцелярия использовала бумагу, название которой отсылало к predetermined размерам, а не к месту изготовления (Каир⁷⁴).

Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
– полный baġdādī: «qaṭ‘ al-baġdādī al-kāmīl». (al-Ta‘rīf, p. 44)	– полный baġdādī: «waraq ‘arḍ al-baġdādī al-kāmīl» (al-Taṭqīf, p. 12); «‘arḍ al-baġdādī al-kāmīl». (al-Taṭqīf, p. 13) – бумага не-baġdādī три пальца в точности: «waraq dūna al-baġdādī bi-ṭalāṭat aṣābi‘ maṭbūqa». (al-Taṭqīf, p. 12–13)	– «Если мы пишем на арабском языке, формат письма, который ему отправляется, является таким же, как для переписки с повелителем Ирана» (Ṣubḥ VII, p. 294) – «Бумага формата полного baġdādī, выполненного на египетской бумаге, произведенной согласно канонам baġdādī»: «qaṭ‘ al-baġdādī al-kāmīl min al-waraq al-miṣrī al-ma‘mūl ‘alā hay‘at al-baġdādī». (Ṣubḥ VII, p. 299)

Таблица В: Чернила и каллиграфия (калам)

Текст письма написан черными чернилами и содержит элементы (слова или формулы), написанные золочеными чернилами (хризография) или красной охрой. Использование золоченых чернил, чтобы подчеркнуть важные термины, является практикой, распространенной в Дар ал-ислам⁷⁵ и, тем самым, понятной всем. Она была обычной в Золотой Орде, где секретари *Диван ал-инша* использовали хризографию и ярко красные чернила. Красные или ярко красные чернила, которые имеют ту же символическую ценность, что и позолота, являются специально зарезервированными для подписи султана (‘alāma) и печатей (тамгу)⁷⁶.

Авторы учебников стараются точно определить элементы, которые должны быть выделены этим приемом. Они распределили их на две большие категории, одну, касающуюся султанской / ханской власти (а), а другую – ислама (б):

а. Формулы для надписи протокола открытия (*invocatio*), *тугра* и адрес, который содержит титулы султана (*intitulatio*); имена султана, хана и все то, что относится напрямую к ним (особенно, личные имена адресата);

б. Имена Бога и все формулы, которые к этому относятся; имена пророков, ангелов, святых людей и все формулы, которые с этим связаны; упоминание ислама.

⁷⁴ Может быть, красильня шелка в Каире, если речь идет об имени поставщика бумаги в мамлюкскую канцелярию (*ibid.*, p. 72–73).

⁷⁵ Такая практика восходит к античности (Déroche, *Manuel de codicologie* [24, p. 125–145]).

⁷⁶ См. таблицы D и D’ ниже. Дерош (*Manuel de codicologie*, [24, p. 125–145]) отмечает, что факт использования красных чернил, чтобы наложить печать, имеет, вероятно, китайское влияние.

Очевидно, что эти употребления, касающиеся чернил, не являются при- сутщими письмам, предназначенным Золотой Орде, но касаются в целом дипломатических обменов внутри Дар ал-ислам и, в частности, для переписки с Ильханидами, так, как это обозначают Ибн Назир ал-Жайиш и ал-Калкашанди.

И наоборот, нам очень мало известно, что касается *калама*, то есть манеры писать письма (в противоположность посланиям, обращенным к высшим адресатам Золотой Орды, где употребление того или иного *калама* часто уточняется). Кажется, что некоторые части были написаны «полностью золотом», а другие – «украшены черным». *Тугра* (смотреть таблицу D и D' ниже) должна была использовать специальное обращение. Ал-Калкашанди упоминает письмо, где она была набросана в точном письменном стиле (*qalam tuḥaqqaq*), украшенном черным. *Muḥaqqaq* (или *muḥarrar*), который различается на *muṭlaq* (небрежный) и *mursal* (распущенный), был стилем престижного письма, используемого для редакции важных текстов⁷⁷, особенно в дипломатической переписке между суверенами и для записей, заключенных в скобки. Это письмо характеризуется большой четкостью букв, которые не наслаивались одна на другую (как с *muṭlaq*)⁷⁸, и тем, что левый угол некоторых букв был очерчен угловатым образом.

Таким образом, ал-Калкашанди, который считает его в числе семи *aqlām* (стиль письма, связанный с отточенным острием *калам* и форматом бумаги), использованных в *диван ал-инша*⁷⁹, уточняет, что это письмо было изначально используется для *тугры* в письмах ханов, а также, что оно было специально «придуманно» для этого⁸⁰.

Ибн Фадл Аллах ал-Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
Хризография и черные чернила: – «В этом письме, каждая <i>хутба</i> , <i>тугра</i> и адрес (<i>uṭwān</i>) написаны полностью золотом, так же, как прославленные имена в [тексте] письма. Каждый человек благородного происхождения, как, например, имя Бога – который прославляется – или имя нашего пророка – за	Хризография и черные чернила: – «Письмо позолочено и черное, согласно манере, которую мы объяснили для письма Абу Саида, то же для адреса» (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 12) – «Протокол начала [составляется] из <i>хутбы</i> , полностью приспособленной для письма золотом. Все остальное пишется черным, как мы продемонстрировали	Хризография и черные чернила: – «И <i>тугра</i> составлена из титулов нашего султана, согласно обычной манере, написана золотом и стилем (<i>калам</i>) <i>tuḥaqqaq</i> и украшена черным. Затем известные титулы, такие как имя Бога – будь славен он – и его Пророка – пусть спасение и мир будут с ним, –

⁷⁷ Это был один из шести каллиграфических стилей (с *rīḥān*, *ṭuluṭ*, *nash*, *tawqī' u riqā'*), определенных в первой половине IV/X века Ибн Мухла; он использовался для Коранов вытянутого формата. (cf. «Khaṭṭ», 69, p. 1144–1162).

⁷⁸ Stern, *Fātimid Decrees* [72, p. 103–106]; al-Qalqašandī, *Ṣubḥ* III, p. 10, 26 (*fa-amā al-muḥaqqaq fatāmah ṣaḥḥat askāluhu wa-ḥurūfuhu 'alā i'tibārihā mufrada*), p. 59–61.

⁷⁹ Ал-Калкашанди вспоминает восемь стилей арабского письма [63–64, III, p. 51–53]: *muḥtaṣar al-ṭūmār*, *al-ṭuluṭ*, *ḥaḥf al-ṭuluṭ*, *al-tawqī'*, *al-riqā'*, *al-ṭūmār al-kāmil*, *al-muḥaqqaq ual-gubār*; он уточняет, что семь из них использовались в *Dīwān al-inšā'* (за исключением *al-tawqī'*).

⁸⁰ Al-Qalqašandī, *Ṣubḥ* [63–64, III, p. 52].

<p>которого были молитва и спасение Бога— или имя других пророков или ангелов — пусть мир будет им — или упоминается религия ислама, или упоминается наш султан, или султан-адресат, или тот, кто соотносится с ними (например, в выражении «у нас» и «у вас» и «для нас», «для вас», «наше письмо», «ваше письмо»), все это написано в золоте и остальное черным. (<i>al-Taʿrīf</i>, p. 45)</p>	<p>в письме Абу Саиду; адрес позолочен» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13) — «... с короткой позолоченной <i>хутбой</i>, и остальное в черном и позолоченном, как то, что было продемонстрировано в письме хана Абу Саида». (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13) — «В месте, зарезервированном за благородной подписью (<i>bayt al-ʿalāma al-šarīfa</i>), мы подписали красной охрой <i>ʿirāqīyya</i>: al-Muštāq Šaʿbān [султан al-Ašraf Nāšir al-Dīn Šaʿbān (764/1363–778/1377)]». (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13)</p>	<p>имя нашего султана и султана, которому он пишет, и личное имя, которое относится к тому или другому, написаны полностью золотом, как я рассказывал вначале в описании письма повелителя Ирана, посланного в прошлом». (<i>Subḥ</i> VII, p. 299)</p>
--	---	--

Таблица С: Языки и алфавит

Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари и ал-Калкашанди подчеркивают, что в переписке с ханами Золотой Орды письма были написаны либо на арабском, либо на монгольском языке. По этому пункту мы впервые констатируем ясное различие обращения по сравнению с ильханидской перепиской, которая не ведется «по-монгольски», по крайней мере, с перехода Ильханов в ислам.

В первой половине XV века (и, вероятно, с эпохи Ибн Назир ал-Жайиша, который не считал необходимым дать уточнения, касающиеся языка), ханам больше не писали «по-монгольски». Когда ал-Калкашанди намекал на переписку «по-монгольски», источники, которые он цитирует по этому поводу, являются старыми, так как они восходят к эпохе Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари. Зато в первой половине XIV века⁸¹ суверену Золотой Орды еще писали «по-монгольски» (что подтверждается внутренними источниками Золотой Орды (см. ниже). Арабский и монгольский языки использовались, таким образом, параллельно, а не исключая друг друга.

Как мы подчеркивали ранее, имеется различие в обращении, согласно используемому письму: арабское писалось на бумаге формата полного *bağdādī*, как для переписки с Ильханидами, тогда как для монгольского был необходим другой, не уточняемый формат бумаги⁸². Кроме того, команда служащих, обремененных перепиской, варьировалась в зависимости от языка. Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари дает информацию об ответственных за переписку «по-монгольски»: четверем *катибам* была поручена эта задача — Айтамишу ал-Мухаммади, Тайирбуге ан-Насири, Аргудлуку ат-таржуман и Кусуну ас-Саки.

⁸¹ Ал-‘Омари работал в канцелярии Каира до 738/1337 года, затем в Дамаске с 740/1339 до 743/1342 года. (Salibi «Ibn Faḍl Allāh al-‘Umārī» [68]).

⁸² Никакого указания на это в главах ал-Калкашанди, касающегося стиля письма и формата бумаги, нет (см. особенно *Subḥ* [63–64, III, p. 53–59, VI, p. 189–196]).

«Чистого монгольского происхождения» (или татарского, согласно источникам), Айтамиш⁸³ прославился своими дипломатическими способностями, его карьера переживала апогей в третьем царствовании ал-Насир Мухаммада (709/1309–741/1341 гг.), который произвел его в эмиры сотни и командующего тысячей – очень высокий ранг в мамлюкской армии. Он был обременен, в частности, тремя миссиями при Ильхане Абу Саиде (в 722/1322, 726/1326 и 728/1328 гг.) в силу своего знания языка и «монгольских» обычаев (со всей двусмысленностью, которой этот термин подразумевает). Его знание в этом вопросе было исключительным. Таким образом, он был уважаем и ценен при ильханидском дворе. Мамлюкские авторы настаивают на факте, что он владел им устно и письменно одновременно, что он был способен читать письмо, прибывающее с востока, и ответить на него с очень хорошим уйгурским написанием; что позволяет думать, что этот тип умения был мало распространен в мамлюкском султанате. Айтамиш был ответственным за переписку на монгольском в *Диван ал-инша* и мог быть замещен Тайирбугой во время своих разъездов. Последний, дядя по матери султана ан-Насир Мухаммада, поступил на службу в Каире в 726/1326 году во время второй миссии Айтамиша при Абу Саиде (который отсутствовал тогда в течение трех с половиной месяцев). Со своей стороны Кусун, торговец золотоордынского происхождения, прибыл в Каир в 720/1320 году, и ему была специально поручена переписка с ханами. Тем самым, он оставался на своем посту немногим больше, чем другие. Эмир сотни, во главе 700 мамлюков в зените своей карьеры, он был одним из фаворитов султана ал-Насира Мухаммада и супругом одной из его дочерей. После смерти последнего, он был одним из главных участников борьбы между могущественными эмирами, чтобы поставить того или иного мамлюка на трон. Он будет задушен в тюрьме в 1342 году⁸⁴. Что касается Аргудлука, мы не знаем о нем ничего.

Необходимо отметить, что Айтамиш был не только членом канцелярии, но также и «посланником», нечто вроде официального посла: ответственный за редакцию писем, он также имел обязанности дипломата. Это позволяет думать, что немногочисленными были те, кто реально знал тюрко-монгольские дипломатические практики, и что эта область была зарезервирована за настоящими специалистами. Наконец, факт, что мамлюкский султан всегда посылает одних и тех же лиц в посольство, способствовал обменам в той мере, в какой хан и Ильхан знали своих собеседников (за неимением возможности возражать султану лично), что создавало некоторую близость в дипломатических отношениях. Длительные отсутствия Айтамиша объясняют, равным образом, почему имелось несколько секретарей, обремененных перепиской с Чингизидами. Кроме того, существование такой команды, сформированной из четырех постоянных секретарей, из которых, по крайней мере, три были близки султану, показывает, что этой переписке придавалось реальное значение в первой половине XIV века⁸⁵.

⁸³ О биографии и карьере эмира Саиф ал-Дин Айтамиша ал-Ашрафи ал-Мухаммади и мамлюкских источниках, связанных с ним, см. Little, «Notes on Aitamiš» [53].

⁸⁴ О Кусуне, см. Irwin, *The Middle East* [49, p. 125–128] и Van Steenberg, «The Amir Qawṣūn» [73].

⁸⁵ Что значительно изменится впоследствии: см. по этому сюжету два случая ал-Айни, которые показывают, что в начале XV века не было команды, специализирующейся на

Все это отсылает к основному вопросу, на который специалисты еще полностью не ответили: вопросу об официальном языке Золотой Орды⁸⁶. Джучидская канцелярия познает постепенную лингвистическую мутацию между второй половиной XIII и концом XV века. Позднейшие документы на уйгурском алфавите, которые нам известны: литературный текст, написанный на коре березы, датированный началом XIV века⁸⁷, и акт пожалования Тимур-Кутлуга (800/1398 г.)⁸⁸; известно, что параллельно мы находим официальные документы на арабском языке. Мы не нашли никакого акта, исходящего от ханской канцелярии, написанного на монгольском языке. Также, в настоящее время мы можем заключить следующее:

1. До конца XIV века, даже до начала XV века, ханская канцелярия использовала уйгурский алфавит;

2. С XIII века арабский алфавит был знаком и использовался частью администрации (легенды монет в большинстве на арабском языке);

3. Официальным джучидским языком с XIII до конца XIV века был монгольский, затем быстро им стал тюркский, написанный уйгурскими буквами. В течение XV века тюркский оставался официальным языком, но перешел к уйгурской письменности на арабскую;

4. Арабский и персидский языки использовались как языки канцелярии, но в редких случаях.

По этому сюжету мы привлекаем внимание специалистов по различным возможным интерпретациям выражений «*bi-l-‘arabī*» и «*bi-l-muġulī*». Надо остерегаться одностороннего перевода, отсылающего к разговорной идиоме; они могут, действительно, указывать просто на используемое письмо или алфавит, без того, чтобы было сделано какое-либо уточнение языка. Так как тюркский и монгольский языки могли писаться на уйгурском алфавите, многие арабские хронисты были способны или находили нужным их отличать. Что касается авторов учебников, не было ли их приоритетом различать

переписке по-монгольски в *Диван ал-инша* [Тизенгаузен, *Сборник I*, «*‘Iqd al-Ġumān*», р. 501–502]. Ал-Калкашанди описывает в нескольких строчках секцию, ответственную за арабский перевод ханских тюркских и монгольских писем: единожды написанный перевод, он читался султаном, который решает об ответе, который поручается *kātib al-sirr* [Ṣubḥ, 63–64, VI, р. 216].

⁸⁶ По мнению Закирова (*Дипломатические отношения Золотой Орды* [2]), официальным письменным языком Джучидов был монгольский. Григорьев («Официальный язык» [1]) утверждает, что, вероятно, все документы, исходящие из ханской канцелярии до конца XIV века, были на монгольском и/или на тюркском языке, написанные уйгурскими буквами. По его мнению, ханские ярлыки, жалованные русским, были, во-первых, написаны на монгольском (уйгурскими буквами), затем переведены на тюркский (в том же алфавите) и, наконец, переведены на русский. Тюркский язык, следовательно, играл роль посредника в русско-монгольских отношениях XIII и XIV века. Для общего изложения вопроса об официальном языке Золотой Орды, см. Favregeau, DEA, *Les sources de la Horde d’Or* [31, р. 66–67] и докторскую диссертацию, *La Horde d’Or de 1377 à 1502* [30, р. 149–150].

⁸⁷ Двухязычный тюркский и монгольский текст [4].

⁸⁸ Даже если копия изначального текста была сделана турецким *катибом*, первоначальный алфавит был уйгурским. Этот текст является би-графическим (арабский и уйгурский алфавиты), но одноязычным (тюркский). Хронист ал-Айни упоминает равным образом письмо хана Мухаммада, посланное султану в 832/1427 году на уйгурском языке (тюркском) и монгольском алфавите [5, «*‘Iqd al-Ġumān*», р. 502].

два алфавита, а не два языка, написанных с одним и тем же алфавитом? Это объяснили бы, к тому же, почему употребление персидского языка для переписки с ханами, засвидетельствованное в хрониках, не привлекло внимания трех *катибов*. Алфавит считается более важным, чем язык: на деле, составление письма на персидском языке не ведет к таким же изменениям, как письмо на уйгурском алфавите (формат бумаги сохраняется, так же, как и многочисленные коранические и религиозные формулы).

Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
<p>Арабский и монгольский: – «Пишут на арабском (<i>bi-l-‘arabī</i>) [хану] тем же образом, что и для повелителя Ирана, как упомянуто выше; различие есть, если ему пишут также часто на монгольском (<i>bi-l-miḡulī</i>)...» (<i>al-Ta‘rīf</i>, p. 47)</p>	<p>Нет указания</p>	<p>Арабский и монгольский: – «Я видел в нескольких регистрах (<i>dasātīr</i>), исходящих от кади Ала ад-Дин Ибн Фадл Аллаха [ал-‘Омари], что он писал хану на черновике (<i>muswadda</i>) для того, чтобы переписать на арабском (<i>bi-l-‘arabī</i>) и писали на монгольском (<i>bi-l-miḡulī</i>). Он [ал-‘Омари] говорил: если ему пишут на арабском (<i>bi-l-‘arabī</i>), формат письма, который он ему посылает, является таким же, как для переписки с повелителем Ирана». (<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 294)</p>

Таблица С': Персонал дивана ал-инша, ответственный за переписку с ханами в данный период

Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
<p>– Ответственные за переписку на уйгурском алфавите (монгольский и тюркский языки): – «[...] Ему пишут также часто на монгольском (<i>bi-l-miḡulī</i>) и за это являются ответственными: Айтамиш ал-Мухаммади, Тайирбуга ан-Насири и Аргудлук[?] ат-таржуман; затем, по их словам, ответственным был Кусун ас-Саки» (<i>al-Ta‘rīf</i>, p. 47)</p>	<p>– Ответственный за переписку на арабском: сам Ибн Назир ал-Жайиш. «В период последней декады <i>раби I</i> 776, мне приказали написать письмо хану Мухаммаду из страны Узбека...» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13)</p>	<p>– Ответственный за переписку на арабском: сам аль-Калкашанди. «Вот экземпляр (<i>nusha</i>), извлеченный из моих сочинений. Он был написан по приказу Его Высокопреосвященства (<i>al-Maqarr al-‘ālī</i>) ал-Фатхи, благородного хозяина дивана ал-инша⁸⁹» (<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 299)</p>

⁸⁹ Речь идет, вероятно, о *kātib al-sirr* той эпохи: Фатх ад-дин Фатх-Аллах (отсюда *nisba* ал-Фатхи), который работал в этой должности с 7 Зуль-хиджа 808/1406 года до 3 шавваля 815/1413 года (Martel-Thoumian, *Les civils et l'administration* [57, p. 451]).

Таблицы D и D': элементы установления подлинности

Кроме бумаги, подпись, распределения чернил, организации линий на странице (и т.д.) – которые играют роль сертификации, – элементы установления подлинности в рамках этой переписки являются в некотором роде внешними по отношению к тексту⁹⁰. Фундаментальный вопрос их определения затрагивает, к тому же, их размещение на странице, которое варьируется в зависимости от статуса адресата, важности документа и специфических традиций той или иной канцелярии. Кроме того, в сочинении этих писем мы не находим части, соответствующей *corroboratio* (*ta'kīd*), которая располагается обычно после *dispositio* (см. таблицу E ниже); эти пункты сертификации не являются полезными из-за наличия других многочисленных элементов установления подлинности.

Эти элементы, которые являются ничем иным, как различными способами подписи, имеющимися в распоряжении суверена⁹¹, являются плодом двух больших традиций: одна является китайско-тюрко-монгольской (она вводит *тамгу*, племенную или клановую эмблему и, в широком смысле, печать, содержащую эту эмблему⁹²) и другая, арабо-мусульманская (она предлагает подпись в форме девиза, *'alāma*⁹³). Известно, что тюрки сыграли важнейшую роль в истории исламских институтов и в особенности в развитии знаков признания действительным [72, p. 143]. Тюркские и монгольские кланы идентифицировали себя через эмблему-*тамгу*, отличительные признаки, которые могли быть у истоков *тугры*, практики наделения ценностью, принятой многочисленными тюркскими династиями. Эта *тугра*, которая является комбинацией эмблемы-*тамги* и девиза-*'alāma*, была введена в исламских канцеляриях сельджукидами⁹⁴. Последние начали, таким образом, постепен-

⁹⁰ Вот почему, в отличие от Штерна (*Fāṭimid Decrees* [72, p. 123–165]), мы их включили в часть по кодикологии, а не в часть, относящуюся к дипломатике.

⁹¹ Отсюда заголовок главы, в которой Штерн трактует это вопрос: «Подпись» [72, p. 123–165].

⁹² Мы будем их различать через следующие наименования: эмблема-*тамга* и печать-*тамга*. Можно сопоставить эмблему-*тамга* и *rank* (символ мамлюкского султана, появляющийся в печати, такой, как пантера Бейбарса) с той разницей, что первый является коллективным (клановым, племенным или династическим), тогда как второй – личным.

⁹³ *'alāma*, которую можно передать согласно контексту через подпись, девиз, знак признания или отличительный знак, соответствовала изначально приложению девиза, который имел ценность подписи в классическом исламе (девиз, который будет постепенно заменен именем суверена). Естественно вписываемый собственной рукой подписанта, он зависел не от должности, а от человека [72, p. 133].

⁹⁴ Согласно Штерну, сельджукидская *тугра* была составлена из трех элементов: племенная марка (эмблема-*тамга*), имя суверена и его девиз (*'alāma* вписывается под эмблему-*тамгу* и выше *басмала*). Хорезмшахи использовали равным образом *тугру*, к которой они добавляли, как и сельджукиды, девиз-*'alāma*. Это мы вновь встретим у Ак-Койунлу, *тугра* которых комбинирует племенную марку, имя суверена (ассоциированное, как у монголов, с *sözüm/sözümüz*) и девиз. Многочисленные династии (среди которых мамлюки и оттоманы) оказывали влияние посредством употребления сельджукидской *тугры*, но сокращали изобразительную часть (эмблема-*тамга*) и акцентировали начертание или стилизацию некоторых букв. Традиционно, *тугра* налагалась служащим, специально обремененным этой задачей, по сравнению с *'alāma*, которая ставилась рукой султана (*ibid.*, p. 144, 148, 149).

ную замену девиза суверена (который был равноценен подписи) наложением его имен и титулов в официальных документах.

При мамлюках «конфликт» между классическим употреблением *'alāma* (засвидетельствованный с начала IV/X века [72, р. 124]) и недавней практикой (айюбидской эпохи [72, р. 152]) *тугры*, кажется, решается следующим образом: мы констатируем постепенное исчезновение девиза-*'alāma*, замененного подписью-*'alāma*⁹⁵; спорадическое использование печати (круглая/овальная форма которой четко отличает ее от квадратной печати-*тамга*, используемой Чингизидами) и возобновляющееся употребление – для важных документов – *тугры*. В особом случае переписки с Золотой Ордой, три вида подписей-удостоверения были использованы⁹⁶: *'alāma*, или имя султана, написанное его рукой (А), *тугра* (Б) и печать-*тамга* (В).

А. В айюбидскую эпоху параллельно девизу-*'alāma* под влиянием сельджукидов уже появился принцип подписи суверена его именем и титулами⁹⁷. Этот прием удостоверения (имени султана и при случае его фамилии) является обычным в мамлюкских документах. Он не должен смешиваться с *тугой*, но может быть назван *'alāma*, как на это указывает Ибн Назир ал-Жайиш. Он нам дает деталь одной из *'alāma* султана: *al-Muštāq Ša' bān*. Эта формула должна рассматриваться не как девиз, а как подпись именем суверена.

Ибн Назир ал-Жайиш уточняет, что она занимает особенное место и что *катиб* должен оставить пустое место (*bayt al-'alāma*) для того, чтобы султан мог подписать. Эта *'alāma* располагается в точности в третьей позиции на странице, после *басмалы* и формул подтверждения суверенитета султана⁹⁸.

Б. *Тамга*, упомянутая Ибн Фадл Аллах ал-'Омари, обозначает печать суверена. Она в целом неоднократно печатается на документе (единожды написанном) и систематически накладывается внизу письма. Это позволяло избежать подделок и дополнений листов; *катиб* уточняет к тому же, что она должна быть напечатана на стыке листов (*kollêseis*). Печать-*тамга* занимает крайне важное место в монгольских и китайских канцеляриях, где она является главным средством удостоверения подлинности. Можно полагать, что она используется здесь как отголосок джучидской эпистолярной практики, которая использует ее в почти идентичной манере (*тамга* в золоте, наложен-

О сельджукидском вкладе в исламские канцелярские практики, см. также: Cahen, «La tuğra seljukide» [22].

⁹⁵ В некоторых типах документов (как земельные пожалования) девиз-*'alāma* продолжает использоваться [72, р. 159]. Мы найдем примеры в ал-Калкашанди, [Šubḥ, 63–64, III, р. 58 (пример графии); XIII, р. 161 (примеры формуляра)].

⁹⁶ Эти три вида подписей-удостоверения являются лишь образцом широкой панели подписей, используемых при мамлюках (ср. особенно со Stern, *Fāṭimid Decrees* [72, р. 157–159]).

⁹⁷ Термин *tawqī'* не фигурирует в главах учебников, посвященных переписке с ханами. Изначально означая «письменную заметку», он может, в зависимости от эпохи и контекста, принимать тот же смысл, что и *'alāma* (подпись-автограф). *Tawqī'* больше употреблялся на востоке мусульманского мира, тогда как *'alāma* предпочиталась на западе [72, р. 127].

⁹⁸ Для более пространственных уточнений о месте различных признаков удостоверения, см. ниже. При Фатимидах и Айюбидах *'alāma* была несправедливо помещена после *басмалы*, но между первой и второй линией текста [72, р. 131, 153].

ная на стыке листов в движении маятника право-лево или обратно до конца текста, где она наложена слева)⁹⁹.

В. *Тугра*¹⁰⁰, содержащая имена и титулы султана, записанные в стилизованной манере¹⁰¹, используется в начале наиболее важных документов и, особенно, в переписке с мусульманскими суверенами. В некоторых случаях она может предшествовать и даже заменять *басмалу*¹⁰², тогда как в классической мусульманской традиции эта преимущественно вводная формула (коранического происхождения) должна фигурировать во главе официальных документов¹⁰³. Итак, вопрос знания, как начинается акт канцелярии, является основным по причинам безопасности (из-за элементов, могущих быть вставленными между верхним краем и первой фразой). Факт иного начала официального текста, чем через *басмалу* (будь она *тугрой* или специальными формулами, связанными с выражением ханского суверенитета и божественного могущества¹⁰⁴), является новшеством, присущим некоторым мусульманским тюркским и монгольским династиям. В линии сельджукидов, затем Айюбидов, мамлюки используют *тугру* как знак истинности. Но в противовес гипотезе Газаньяду¹⁰⁵, который видит в этой практике влияние джучидской и ильханидской эпистолярных моделей, нам кажется, что надо довольствоваться сельджукским влиянием, переданным через Айюбидов. Чингизидское употребление, которое ставит во главе официальных документов имя, титулы и формулу, подтверждающие абсолютную власть ханов, не стоит смешивать с *тугрой*¹⁰⁶.

⁹⁹ См. протоколы манускриптов в Kurat, *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altınordu* [52] и Özyetgin, *Altın Ordu* [61].

¹⁰⁰ Иногда констатируют амальгаму между *ṭurra* (по-арабски: край, поле) и *тугрой*, амальгаму, которая датируется до мамлюкского периода (Stern, *Fāṭimid Decrees* [72, p. 148, note 2; p. 155, note 1]). См. также Gazagnadou, «Remarques» [33]: интересное, но неравномерное. В частях, посвященных переписке с ханами, мы не констатировали никакого смешения между двумя терминами; *ṭurra* служит в своем первоначальном смысле (например, в Ibn Faḍl Allāh al-ʿUmarī, *al-Taʿrīf* [40, p. 45]: «Мы не накладываем печать на белый край (*al-ṭurra al-bayḍāʾ*)... »).

¹⁰¹ Мы находим примеры этого в al-Qalqašandī [Ṣubḥ, 63–64, XIII, p. 162–166].

¹⁰² См. Gazagnadou, «Remarques» [33, p. 160–164]. Он совершает ошибку, систематически приписывая эту практику мамлюкам.

¹⁰³ См. по этому сюжету: al-Qalqašandī [Ṣubḥ, 63–64, VI, p. 217–224].

¹⁰⁴ Такие, как «Силой Господа – да будь славен Он – и счастливым предзнаменованием магометанской религии (*al-milla al-muḥammadiyya*)» (Ibn Nāzīr al-Ġayš, *al-Taṭqīf* [47, p. 12]).

¹⁰⁵ Gazagnadou, «Remarques» [33, p. 163–164].

¹⁰⁶ По вводным формулам, см. Kotwicz, «Les formules initiales des documents mongols» [51]. *Диван ал-уиниа* Золотой Орды не использовал *тугры*. Единственное письмо, письмо хана Махмуда оттоманскому султану (1466), представленное в начале в форме треугольника (острием вверх), походит на *тугру* и не содержит эмблему-*тамгу*, а просто следующую формулу: «Ему [Господу]. Силой Единственного, чудесами Мухаммада и свидетельством Писания, пусть Аллах охраняет царствование [хана] через потомство Махмуда»; два других ханских послания начинаются формулами, написанными в стилизованной манере и подчеркнутыми через их размещение в остальном тексте (в одной: «Защитой Господа – будь Он славен – чудесами пророка Мухаммада»; и в другом: «Он [Бог]»). Но мы не имеем никакого следа джучидских писем, начинающихся *basmala*. См. оригинальные документы Золотой Орды у Kurat, *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın ordu* [52] и Özyetgin, *Altın Ordu* [61].

Эта практика тем не менее, повлияла на мамлюкские эпистолярные модели, предназначенные ханам, которые содержат *тугру* и/или формулы на арабском, соответствующие монгольским заголовкам¹⁰⁷. Необходимо отметить, что в этой переписке *тугра* никогда не находится в первой позиции, она всегда следует за *басмалой*. Мы отдаем отчет в этом, анализируя протокол начала писем ханам, который описан в учебниках канцелярии. Мы вновь находим там идентичную схему каждый раз (*басмала*/формулы суверенитета/*'alāma* или *тугра*)¹⁰⁸.

В эпистолярной модели Ибн Фадл Аллаха ал-'Омари, начинается *басмалой*, затем линия *хутбыб* (которая может соответствовать монгольскому заголовку), оставляем затем место для *тугры*, которая вписывается последней после наложения печатей, затем титулы султана. В своей модели Ибн Назир ал-Жайиш начинается *басмалой*, затем вписывается формула монгольского происхождения «Силой Господа – да будь славен Он – и счастливым предзнаменованием магOMETанской религии (*al-milla al-muḥammadiyya*)» на двух линиях, подчеркивавших центр страницы, затем оставляется пространство для *'alāma* (которая будет наложена сувереном) и, наконец, титулы султана. В модели ал-Калкашанди, открывает *басмала* (после того как оставили пять белых листов (*awṣāl*) в начале свитка для престижа), затем начинает первую линию текста *waṣl* (интерлинией в три пальца) *basmla*, вписывается затем *тугра* на равном расстоянии от первой и второй линий письма. Эти измерения, пропорциональные формату бумаги и типу выдаваемого акта, почти соответствуют измерениям всех документов, созданных от имени султана¹⁰⁹.

Отметим, что в эпохи Ибн Фадл Аллаха ал-'Омари, Ибн Назир ал-Жайиша и ал-Калкашанди место подписи (идет ли речь о *тугре* или *'alāma*) соответствует фатимидским и айюбидским практикам (после *басмалы* в интервале между первой и второй линиями письма)¹¹⁰.

Таблица D: Различные элементы удостоверения подлинности

Ибн Фадл Аллах ал-'Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
– <i>Тугра</i> , написанная полностью золотом, включающая титулы султана (<i>al-Ta'rif</i> , p. 44, 45) – «[Письмо] удостоверено (<i>yuṭammag</i>) тамгой в золоте, включая титулы	– «В месте, зарезервированном за благородной подписью (<i>bayt al-'alāma al-šarīfa</i>), подписали красной охрой <i>'irāqīyya</i> : al-Muštāq Ša' bān [Султан al-Ašraf Nāsir al-Dīn Ša' bān	– «Тугра [...], составленная из титулов нашего султана в обычной манере, написанная в золоте в стиле (<i>qalam</i>) <i>muḥaqqaq</i> и украшается черным...» (<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 299)

¹⁰⁷ По поводу повторного использования мамлюками см. пример, данный Ибн Назир ал-Жайишем (см. заметку ниже), формулы, напрямую вышедшей из ильханидской фразеологии (Stern, *Fātimid Decrees* [72, p. 161, note 1]).

¹⁰⁸ Казалось, что *'alāma* и *тугра* не появляются в одном и том же письме, заменяя одна другую. Подробнее см. таблицу E ниже.

¹⁰⁹ Для формата *bağdādī*, *басмала* должна быть отделена от верхнего края шестью белыми листами (*waṣl*), и расстояние между линиями письма должно быть приблизительно три пальца (как в эпоху Айюбидов, когда пространство между линиями было в 3–4 пальца). *Waṣl*, в смысле интервала, измеряется, следовательно, почти в три пальца шириной (al-Qalqašandī, *Ṣubḥ*, 63–64, VI, p. 195–196).

¹¹⁰ Stern, *Fātimid Decrees* [72, p. 122].

<p>нашего султана; эти <i>тамги</i> были наложены на стык листов (<i>awṣāl</i>). Мы начинаем тамгой справа на первом стыке (<i>waṣl</i>), затем продолжаем в этом роде вплоть до того, пока не закончим до конца, справа (<i>al-Taʿrīf</i>, p. 45)</p>	<p>(764/1363–778/1377 гг.)» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13)</p>	
--	---	--

Таблица D': Указания представления и замещения элементов удостоверения подлинности

Ибн Фадл Аллах ал-'Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
<p>– «[Текст], после <i>басмалы</i> и линии <i>хутбы</i> начинается <i>тузрой</i>, написанной полностью золотом, включающей титулы нашего султана, согласно обычной формуле <i>тузры</i> (<i>'alā 'ādāt al-ṭuḡrāwāt</i>).» (<i>al-Taʿrīf</i>, p. 44)</p> <p>– «[Письмо] удостоверено (<i>yuṭammaḡ</i>) <i>тамгой</i> в золоте, включая титулы нашего султана; эти <i>тамги</i> были наложены на стык листов (<i>awṣāl</i>). Мы начинаем <i>тамгой</i> справа на первом стыке (<i>waṣl</i>), затем слева на втором стыке (<i>waṣl</i>), затем продолжаем в этом роде вплоть до того, пока не закончим до конца, справа. Мы не накладываем печать на верхний край чистого свитка (<i>al-ṭurra al-bayḏā'</i>), и секретарь оставляет пространство для <i>тамги</i>, пространства, чтобы написать как справа, так и слева». (<i>al-Taʿrīf</i>, p. 45)</p>	<p>– «После благородной <i>басмалы</i> [мы вписываем следующую формулу]: «Силой Господа – да будь славен Он – и счастливым предзнаменованием магометанской религии (<i>al-milla al-muḥammadiyya</i>)». Затем место, оставленное для <i>'alāma</i>; затем пишем благородную титулатуру султана: самый могущественный султан, затем, в остальном обычные благородные титулы султана, согласно тому, что следует [... затем] молитвы по обстоятельствам» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 12).</p> <p>– «В месте, зарезервированном за благородной подписью (<i>bayt al-'alāma al-ṣarīfa</i>), подписали красной охрой <i>'irāqiyūa</i>: al-Muštāq Ša' bān [Султан al-Ašraf Nāšir al-Dīn Ša' bān (764/1363–778/1377)]. » (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13)</p>	<p>– «После того как оставили пять белых листов (<i>awṣāl</i>), начинаем <i>басмалой</i>, [вписанной] вверху шестой страницы (<i>waṣl</i>) и через белое пространство каждой стороны шириной два пальца; вторая линия письма (<i>saṭr</i>) делается тем же способом до конца [6] листа (<i>waṣl</i>) и оставляем белым две стороны тем же способом, что и первая линия письма (<i>saṭr</i>). <i>Тузра</i>, [деланная] между двумя линиями письма, составленная из титулов нашего султана в обычной манере, написанная в золоте стилем (<i>qalam</i>) <i>muḥaqqaq</i> и украшенная черным. Сверху <i>тузры</i> имеется белое пространство шириной в три пальца, такое же пространство оставлено внизу. Для остальных линий письма (<i>suṭūr</i>) имеется обычно поле справа, и между каждой линией письма (<i>bayna kull saṭrayn</i>) [мы оставляем] полу-локоть (<i>niṣf dīrā'</i>) от локтя (<i>dīrā'</i>) каирской ткани». (<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 299)</p>

Таблица E: Правила разбивки текста и редакции

Терминология, использованная в приведенной выше таблице, исходит из нескольких дипломатических трудов, на которых мы основывались, чтобы предложить внутреннюю разбивку текста посланий, такой, какой она появляется в учебниках¹¹¹. Текст систематически делится на три части: протокол начала (*uḡtūtaḡ*), основная часть текста (*matn*) и протокол конца (*ixti-tam*); эта последняя часть является частью, о которой мы имеем меньше всего информации¹¹².

Следующая таблица должна быть рассмотрена как показательная. Не забудем, что элемент, не упоминавшийся автором, не означает обязательно, что он исчез из эпистолярных правил в данный момент. Он может по-прежнему рассматриваться либо как забывчивость, либо как «очевидная» или маловажная часть для читателя, которая не заслуживает быть отмеченной.

Для ясности мы старались не цитировать полностью авторов. Мы предлагаем резюме или краткое изложение их дипломатических указаний. Эти указания могут быть двух форм: либо изложение примеров (цитат писем), либо список принципов или общих правил.

	Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
Invocatio (<i>da‘wa, taḡmīd, taḡḡīd, ḡuṭba</i>) Вводная религиозная формула	– <i>Басмала</i> , затем линия <i>хутба</i> (монгольское заглавие?) (<i>al-Ta‘rīf</i> , p. 44)	– <i>Басмала</i> , затем следующая формула на две линии в центре страницы: «Силой Господа – да будь славен Он – и счастливым предзнаменованием магометанской религии (<i>al-milla al-muḡammadiyya</i>)». (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 12) – <i>Хутба</i> (монгольское заглавие?), примененное в хризографии. (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 13) – <i>Basmala</i> . (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 13)	– <i>Басмала</i> вверху на шестой белой странице (<i>Ṣubḡ VII</i> , p. 299)

¹¹¹ Björkman, «Diplomatique» [17]; Busse, «Diplomatique – Perse» [20] и *Untersuchungen zum Islamischen Kanzleiwesen* [21]; Fekete, *Einführung in die Persische Paläographie* [32]; Reychman, *Handbook* [65]; Stern, *Fāṭimid Decrees* [72]. Для сравнения с Золотой Ордой см. Усманов, *Жалованные акты* [7, с. 183–270] и мою докторскую диссертацию, *La Horde d’Or de 1377 à 1502* [30, p. 65–71 (Дипломатика ярлыка); p. 154–155] (Схема формальной организации bitik-s). Мы также обращались к главам *Ṣubḡ al-a‘šā*, относящимся к дипломатике, но они являются сложными в использовании, так как они крайне обобщены (*al-Qalqašāndī, Ṣubḡ* [63–64, VI, p. 217–273]; более типично для писем: p. 274–364). Мы надеемся, что этот метод текстовой разбивки сможет быть полезным исследователям, работающим над другими переписками, как пункт сравнения, так и пункт начала исследования.

¹¹² Нет как раз никакого указания на то, что касается места редакции документа (*locus/maqām*) и учреждения, которому была поручена редакция письма.

	Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
Intitulatio (<i>‘unwān</i>) Адрес или надпись: автор письма (султан) дает свое имя и свою титулатуру	– <i>Тугра</i> полностью золотая, содержащая титулы султана – Адрес сформирован от титулов султана до «личного титула» (<i>al-laqab al-ḥāṣṣ</i>), затем одна или две молитвы типа «пусть Господь сделает всемогущим своего султана и возвысит его положение» (<i>al-Ta‘rīf</i> , p. 44, 45)	– <i>‘Alāma</i> , затем титулатура султана, такая, как: «самый могущественный султан», затем остальная обычная титулатура в зависимости от порядка. (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 12) – <i>‘Alāma</i> с красной охрой (подпись с именем султана), следующая за хвалебной частью для султана, перемежающаяся с религиозными декларациями. (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 13)	– <i>Тугра</i> , составленная из титулов султана, написанная золотом в стиле (<i>qalam</i>) <i>tuḥaqqaq</i> и украшенная черным. Эта <i>тугра</i> должна быть наложена между <i>басмалой</i> и второй линией письма текста. Затем долгое религиозное и хвалебное введение. (<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 299)
Inscriptio (<i>alqāb</i> и иногда также <i>‘unwān</i>) идентичность адресата ¹¹³ , содержащая его титулатуру	– <i>хутба</i> , начинающаяся вводными формулами (<i>ba‘diyya</i> ¹¹⁴) до следующих титулов: Его Превосходительство благородное, высокое, султанское, великое, <i>ṣāhinšāh</i> , единственное, братское, <i>qaāniale</i> , такой-то (титул «королевский» не должен быть упомянут) ¹¹⁵ ; затем мы даем имя султана-адресата и	– После <i>ḥamdala</i> и очень короткой <i>хутбы</i> мы включаем титулы: «К вниманию Его высокого и благородного Превосходительства, Его Превосходительства Султана, Высокопреосвященства, утробного брата, ученого, справедливого, хана, могущественного, единственного, <i>ṣāhinšāh</i> , короля Узбека <i>al-ḥan</i> ¹¹⁶ , султана ислама и мусульман, единственного среди королей и султанов, опоры	– Предложение <i>inscriptio</i> : «Это письмо было сделано для Его Высочества (<i>al-maqaṁ al-‘ālī</i>), султанского, великого, братского, такого-то, опоры исламской религии, оплота чингизидского королевства, сокровища религии, соратника эмира верующих –

¹¹³ Когда есть сомнение в имени адресата, адрес может быть оставлен анонимным (*al-Taṭqīf* [47, p. 13]).

¹¹⁴ *ba‘diyya* соответствует параграфу, введенному *wa-ba‘du*.

¹¹⁵ «Так как для них нет большой важности, и он обесценен (*al-Ta‘rīf* [47, p. 44]). Та небольшая важность, что монголы объединяли с другими титулами, такими, как «хан» или «каган», также подчеркиваются автором в своем *Masālik* (III, p. 75). Этот обычай восходил к эпохе Чингиз-хана.

¹¹⁶ В своем издании Везели дает «*al ḥān*», который мог бы быть прочитан *al-ḥān* (слово хан, предшествовавшего пункту) или *il-ḥān* (титул ильханидских суверенов). Между тем, это второе предположение является менее вероятным в той мере, в какой графия делается естественно с *yā’*. Касаясь ханского титула, мы отсылаем к статье Амитага: «Evidence for the Early Use of the Title *īlkhān*» [8], превосходное исследование по этому сюжету.

	<p>добавляем слово «хан». (<i>al-Ta'rif</i>, p. 44, 45)</p>	<p>королевской власти, султана <i>Muğul-s</i>, <i>Qibğāq-s</i> и <i>Turk-s</i>, снисходительного из всех королей своего времени, продолжателя рода Чингиз-хана, прославленного <i>ṭamğāğ</i>¹¹⁷, хозяина трона и короны, правой руки тех, кто боится Бога, сокровище верующих. (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 12; два других предложения титулатуры: p. 13)</p>	<p>пусть Господь увеличит его могущество и сделает его вечно справедливым» (<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 300)</p>
--	---	---	--

	Ибн Фадл Аллах ал-'Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
<p>Salutatio (<i>du'ā'</i>), краткая часть приветствия, заключающая протокол начала (<i>uḫtumat</i>) и вводящая основную часть текста</p>	<p>– «Мы адресуем ему большие повторяющиеся молитвы, достойные короля и почтенности [этого] султана, [мы добавляем]: победа помощников, вечность дней, распространение знамен, поддержка солдат, увеличение делегаций... Затем мы адресуем [ему] метонимические формулы и декларации на тему вечной дружбы, чистоты мысли, описания желаний, склоняющейся толпы и другие подобного рода». (<i>al-Ta'rif</i>, p. 44)</p>	<p>– «[Мы адресуем ему] обстоятельные молитвы, затем формулу, через которую мы адресуем ему приветствия» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 12)</p>	<p>– «Мы адресуем ему приветствия, которые [ему] принесли южный ветер и которые оставят свою печать на Севере...» (<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 300)</p>
<p>Narratio (<i>naql, iblāğ, taṣrīḥ</i>). Основная часть текста начинается рассказом или кратким изложением изначальных</p>	<p>– «Мы упоминаем цель [письма], заключаем прославляющей молитвой и объясняем [наши] нужды и услуги, [которые он любил], описываем наши ожидания по этому</p>	<p>– «Мы осведомляемся о новостях, и мы говорим с ним, [пользуясь] его благородным знанием. Конец» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 12) – Письмо, где имелось бы в общих чертах приветствие и выражения дружбы и где мы осве-</p>	<p>– Пример <i>narratio</i>: «Много времени прошло с тех пор, как Его Благородству (<i>al-mağām al-šarīf</i>) – пусть Господь, будь</p>

¹¹⁷ Этот термин был бывшим тюркским словом, обозначающим Китай: см. Biran, *The Empire of the Qara Khitai* [16, p. 34, 98–101].

мотивов посольства	поводу и показываем, с какого пункта они являются настоячивыми» (<i>al-Ta'rif</i> , p. 44, 45; вариант того же пассажира в <i>Ṣubḥ</i> VII, p. 295).	домляемся о новостях...» (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 13).	Он славен, прославляет его положение – мы отправили послание, чтобы успокоить зуд желания, и мы не получили со своей стороны письма, облегчающего желание обмена [в ожидании] подлинной встречи...» (<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 301).
--------------------	---	---	---

	Ибн Фадл Алах ал-'Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
<p>Dispositio (<i>amr</i>) После изложения проблемы, требующей отправки посольства, султан предлагает решение (например, отправки нового письма, чтобы предпринять контакт). Эта часть часто смешивается с предыдущей. Имя «посланников» и упоминание подарков включены в эту часть.</p>	Нет указания	– «Мы имели намерение нарушить дискуссии этим письмом, и мы хотели начать этими вводными предложениями (<i>al-miḥāṭaba</i>) для того, чтобы [хан] знал, что наша дружба для него была искренней, и подтвердить наш союз (...) Мы подготовили это письмо для наших посланников таких-то и таких-то, и тех, кто их сопровождает (...), мы послали Его Высочеству (<i>al-maqām al-'ālī</i>) – пусть Господь возвысит его положение – с нашими посланиями многочисленных александрийских тканей и другие, которые заменяют подарки, так же, как и традиционные дары, упоминаемые в [официальной] бумаге, подготовленной ранее ¹¹⁸ ...» (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 15)	– «Чтобы сообщить о [нашем] письме и напомнить о [нашей] лояльности, мы выбрали Его Преосвященство (<i>al-maḡlis al-sāmī</i>), который уважает нами: аль-амир ¹¹⁹ <i>hoḡā</i> такой – пусть Господь, да будь славен он, почтит его – и мы ему приносим свои приветствия...» (<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 301)

¹¹⁸ Эта бумага (*waraqqa*) соответствует официальному списку (*ṭabat*), содержащему опись всех подарков, посланных султаном, документ, уточняемый письмом посольства, который имел функцию воспрепятствования воровству.

¹¹⁹ Мы выбрали для чтения Тизенгаузена (*Сборник* I, «Iqd al-ḡumān», p. 400) и не последовали за издателем *Ṣubḥ*, который дает «*al-amīn*».

Datatio (<i>ta'riḥ</i>) Год, месяц и день недели	Нет указания	– «В эпоху (...) Мухаммад ибн Калавуна»: точная формула не дана. (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 12) – «В годы 750-е»: точная формула не дана. (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 12) – «В эпоху последней декады <i>раби I</i> года 776»: может быть формулировка даты как таковой появля- ется в тексте письма. (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 13) – Дата упоминается до финальных формул. (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 15)	– «В 812 году»: точная форму- лировка не дана. (<i>Ṣubḥ VII</i> , p. 299)
Приветствия или финальные молитвы	Нет указания	– <i>хамдала</i> , затем <i>хасба-</i> <i>ла</i> ¹²⁰ . (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 15)	Нет указания

Таблица F: Несколько указаний о методах работы, используемых секретарями (куттаб) Дивана ал-инша

Различные ремарки, сделанные на основании изученных отрывков, позволяют отчасти реконструировать методы работы секретарей, предназначенные для переписки с иностранными суверенами¹²¹. Эти методы не охватывают дихотомию дипломатика/кодикология, которую мы применяем сегодня при изучении документов, вот почему мы их детализировали в заключительной части, синтезируя данные, представленные в таблицах с А по Е. Мы добавим к ним последнюю таблицу F, которая суммирует систему утверждений, могущих относиться к методам секретарей (куттаб) Дивана ал-инша¹²².

¹²⁰ Формулы, которые мы традиционно находим в конце важных официальных документов (*al-Qalqaṣandī*, *Ṣubḥ* [63–64, VI, p. 265–266, 269–270]. См. также Штерн (*Fātimid Decrees* [72, p. 120–121]), который показывает, что эта практика, как и практика начинать акт *basma*la, засвидетельствована в фатимидский период.

¹²¹ Для общего знакомства с ремеслом *катиба*, см. Martel-Thoumian, *Les civils et l'administration* [57, p. 133–141] («*kātib*: между мифом и реальностью»).

¹²² Прежде всего, напомним, что большая трудность, которая еще мешает настоящему изучению этого вопроса, состоит в том, что эти учебники адресуются не любителям, а образованным людям, которые уже владеют некоторым знанием. Также, чтобы сделать все правильно, нам надо было бы разгадать или реконструировать этот первый уровень знания, который учебники хотят дополнить. Авторы часто делают намек на приглашения, которые они не детализируют, так как они считаются известными читателю (см. таблицу F: «[письма] для хана собраны в соответствии с действующими (*hudūd*) и организованными согласно договорам (*uqūd*) правилами, как для Абу Саида...» (*al-Ta'riḥ* [47, p. 44]) или «После верификации (*al-murāga'a*) мы дали ему титулы...» (*al-Taṭqīf* [47, p. 13]). Итак, чтобы изучить это уже приобретенное знание, переданное устно или через практику, другие источники, нежели учебники, должны быть изучены (рассказы путешественников или посольств, хроники, миниатюры и иллюстрации, археологические источники и т.д.).

Как мы уже отмечали ранее, несколько методик работы были использованы параллельным или дополнительным способом. Авторы различают в целом два типа посланий: послания, который могут быть соотнесены с прошлым употреблением¹²³, и послания, которые являются «экстраординарными» и изолированными. Первое дело секретаря было определить, является ли письмо в переписке, будь оно получено или отослано, серией, или речь идет о единственном послании (первый обмен между суверенами, неизвестная династия...). Таким образом, большая часть его полномочий будет основываться на его познаниях в географии и международной политике (чтобы написать корректно письмо, надо знать, по крайней мере, имя суверена, которому оно адресуется¹²⁴), прошлой и современной эпохе, отсюда важность разделов, посвященных этим вопросам в учебниках канцелярии¹²⁵.

Для содержания *катиб* (секретарь) ищет, прежде всего, «вдохновения» предшествующими письмами и заимствования максимума риторических элементов, исключенных из частей *матн* (в *narratio* и *dispositio*), которые должны быть адаптированы к целям, присущим каждой почте¹²⁶. Чтобы это сделать, авторы используют любой документ, имеющийся в их распоряжении, будь то труды (даже «бумаги») их коллег и предшественников или архивы *Дивана ал-инши*¹²⁷. В случае, когда речь идет о неизданной переписке (приход новой династии, нового суверена к власти или возобновление контактов после долгого перерыва) секретарю открываются две возможности: либо переписать по «аналогии»¹²⁸, либо для ответа вдохновляться моделью полученного письма¹²⁹. Эта последняя «тактика» позволяет объяснить, по большей части, взаимовлияние между джучидскими и мамлюкскими эпистолярными правилами. Это позволяет также понять, почему существуют вари-

¹²³ См. Таблицу F: *al-Ta 'rif* [47, p. 44].

¹²⁴ То, что не всегда было возможно (См. Таблицу F: *al-Ta 'rif*, [47, p. 13]). См. также ремарки аль-Калкашанди, критикующего Ибн Назир ал-Жайиша по вопросу об имени хана (*Subh* VII, p. 298–299).

¹²⁵ Вот почему Ибн Назир ал-Жайиш уточняет: «Мы не переписывались с кем-либо по этому вопросу после него» (См. Таблицу F), и когда информация неопределенна, он дает свои источники: «... мне приказали написать письмо хану Мухаммаду из страны Узбека, который является представителем (*al-qā'im maqām*) Узбека, по словам вестников с Благородных Проливов» (См. Таблицу F).

¹²⁶ Таким образом, когда приказывают Ибн Назир ал-Жайишу написать письмо хану, единственная вещь, которую он уточняет, является цель письма: это письмо должно содержать в общих чертах приветствия и выражения дружбы и необходимость осведомиться о новостях хана (См. Таблицу F).

¹²⁷ Например, ал-Калкашанди: «Я видел в нескольких регистрах (*dasātīr*), идущих от *кади* Ала ад-Дин Ибн Фадл Аллаха (ал-‘Омари), что он писал хану на черновике (*muswadda*) для того, чтобы переписать на арабском (*bi-l-‘arabī*)...» (см. Таблицу F).

¹²⁸ В этом случае, авторы опираются на письма Ильханам, но не на какие угодно, а в целом, речь идет о недавних посланиях (особенно адресованных Абу Саиду, последнему Ильхану): «Мы пишем на арабском (*bi-l-‘arabī*) хану тем же образом, что и для повелителя Ирана, как упоминается выше» (См. Таблицу F); «Письмо, позолоченное и черное, согласно способу, который мы объяснили для письма Абу Саиду, тоже для адреса» (См. Таблицу F). Это могло бы означать, что ильханидские письма лучше сохранились в архивах. См. также наши ремарки в «Три учебника мамлюкской канцелярии» (*supra*).

¹²⁹ Например: «Ему пишут [в ответ] благородное послание, идентичное письму, исходящему от него [хана]...» (См. Таблицу F).

анты внутри одной и той же переписки, у секретаря, предпочитающего скорее скопировать полученное письмо, чем сослаться на архивные копии¹³⁰.

В том, что касается «педагогики» этих авторов учебника, мы уже отмечали, что два метода обучения были использованы сопутствующим образом: либо используя примеры, которыми являются цитаты из написанных в прошлом писем, либо через изложение эпистолярных правил (*hudūd*, *uqūd*). В целом, два объясняющих принципа смешиваются так, что порой трудно ориентироваться между правилами и цитатами, тем более, что эти «правила» являются ничем иным, как условностями употребления, вышедшими из «примеров». Эти последние не имеют к тому же функции иллюстрации, как это было бы в данном сочинении, и могут предшествовать, даже заменить изложение правилами. По этому поводу мы отмечаем явную эволюцию в стиле и педагогике этих трех авторов: тогда как ал-‘Омари стремится дать определения и приводит относительно мало примеров, его последователи предлагают длинные цитаты, извлеченные из их личного сочинения. Таким образом, мы переходим от более краткого к более точному, от более теоретического к более описательному. Мы видим также, что формат письма для ханов Золотой Орды остается в сущности одним и тем же между второй половиной XIV века и первой половиной XV века.

Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
<p>– «[Письма] для хана собраны согласно действующим правилам (<i>hudūd</i>) и организованы согласно договорам (<i>uqūd</i>), как для Абу Саида...» (<i>al-Taʿrīf</i>, p. 44)</p> <p>– «Мы пишем на арабском (<i>bi-l-ʿarabī</i>) [хану] тем же образом, что и для повелителя Ирана, как упоминается выше». (<i>al-Taʿrīf</i>, p. 47).</p>	<p>– «Письмо, позолоченное и черное, согласно способу, который мы объяснили для письма Абу Саиду, тоже для адреса. Мы не переписывались с кем-либо таким способом после него». (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 12)</p> <p>– «Ему пишут в ответ благородное послание, идентичное письму, исходящему от него [хана]...» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 12)</p> <p>– «...мне приказали написать письмо хану Мухаммаду из страны Узбека, который яв-</p>	<p>– «Я видел в нескольких регистрах (<i>dasāīr</i>), идущих от <i>кади</i> Ала ад-Дин Ибн Фадл Аллаха (ал-‘Омари), что он писал хану на черновике (<i>muswadda</i>) для того, чтобы переписать на арабском (<i>bi-l-ʿarabī</i>); затем мы перестали это делать и писали на монгольском (<i>bi-l-muḡulī</i>). Он (ал-‘Омари) говорил: если ему пишут на арабском (<i>bi-l-ʿarabī</i>), формат письма, которое ему посылают, является тем же, что</p>

¹³⁰ Это случай письма, предназначенного хану Джанибеку, написанного на бумаге *не-baḡdādī* (*al-Taṭqīf* [47, p. 12–13]). Это подтверждает, что переписка с Золотой Ордой была неполной в мамлюкских архивах. Отметим по этому сюжету такую фразу ал-Калкашанди: «Эта ситуация неуверенности идет из факта, что мы перекопировали [данные *Дивана ал-иншиа*].» (См. Таблицу F). Автор делает, без сомнения, намек на период беспорядков, который ударил по царствованию султана Баркука в 791–792/1389–1390 годы; период, в течение которого часть документов *Дивана ал-иншиа* было продана на вес торговцам бумагой (некоторые документы архивов были тогда, вероятно, резюмированы или перекопированы). По этому пункту см. Bauden, «The Recovery» [15, p. 74–75].

	<p>ляется представителем (<i>al-qā'im maqām</i>) Узбека¹³¹, по словам вестников с Благородных Проливов» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13)</p> <p>– «[Письмо, которое содержало бы] в общих чертах приветствия и выражения дружбы и в котором мы осведомлялись бы о его новостях» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13)</p> <p>– «После удостоверения подлинности (<i>al-murāga 'a</i>), мы снабдили его титулами...» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13)</p> <p>– «Адрес написан золотыми чернилами, без упоминания личности (<i>bi-ğayr ta 'rīf</i>)» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13)</p>	<p>и для переписки с повелителем Ирана».</p> <p>(<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 294)</p> <p>– «Эта ситуация [неуверенности] идет из факта, что мы перекопировали [данные <i>Дивана ал-инша</i>].» (<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 299)</p>
--	---	--

Некоторые видели в альянсе Джучидов-Мамлюков признак распада Монгольской империи. Надо, во всяком случае, видеть в нем четкую политическую позицию и начало независимого дипломатического дискурса со стороны Золотой Орды. Это «согласие» продолжится с перерывами до второй половины XV века. Постепенный конец отношений между двумя государствами является результатом многочисленных потрясений: в частности, истощения торговли военнопленными кыпчаками и обмена добычей с мамлюками играли значительную роль в их отчуждении.

Кроме того, после смерти Тамерлана никакой общий враг не объединял два государства. Таким образом, когда в 832/1427 году посольство Золотой Орды прибывает в Каир с двумя письмами, одним на арабском, другом на уйгурском языке (то есть по-тюркски), хронист и историк ал-Айни уточняет, что это второе послание не может быть прочитано, так как «мы не найдем никого, чтобы перевести письмо¹³²». Интересно отметить, что к этому времени мамлюкская канцелярия больше не нанимает ни переводчика, ни специалиста по монгольскому алфавиту, что показывает, до какой степени дипломатические отношения с Золотой Ордой были тогда ослабленными.

К счастью, учебники секретарей канцелярии, составленные между 1340 и 1410 годами (и используя более древние документы) покрывают важную часть существования этого альянса. Их авторы предлагают нам точное описание некоторого числа писем, посланных султанами ханам. Сравнивая эти эпистолярные модели с моделями, переданными Золотой Ордой, мы видим, что стиль (дипломатический и кодикологический) их посланий был очень похожим. Главная причина следовала из факта, что секретари, чтобы ответить, вдохнов-

¹³¹ Мухаммад Пулак хан был в действительности не «представителем» (*al-qā'im maqām*), а преемником Узбека.

¹³² Тизенгаузен, Сборник, I, «'Iqd al-Ğumān», p. 502.

лялись моделями, посланными их коллегами¹³³. Следовательно, можно говорить о подлинном взаимовлиянии между двумя *Диванами ал-инша*, конкретном свидетельстве циркулирования знания и техник исламских канцелярий между Египтом и Центральной Азией со второй половины XIII века до первой половины XV века. В течение этого периода, как в мамлюкском султанате, так и в Золотой Орде мы отмечаем, что административные институты стабильно функционируют, несмотря на прерывистость и хаос династического наследования. Речи, которые мы различаем сквозь эти эпистолярные обмены, также имеют некоторую преемственность: цель большинства этих писем состоит в том, чтобы обосновать или задать вопрос о молчании, нехватки посольств и долгом отсутствии обмена. Следовательно, дипломатические практики этих двух государств вписываются в долгий благоприятный период общей и разделяемой участниками эволюции правил канцелярии.

Благодарности

Я благодарю Фредерика Бодана и Наглаа Хамди за их внимательное чтение и справедливые ремарки. Я также благодарю Ильнура Миргалеева и редколлегию журнала «Золотоордынское обозрение» за возможность опубликовать мою работу на русском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев А.П. Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник, 1977. М.: Издательство восточной литературы, 1981. С. 81–89.
2. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М.: Наука, 1966. 160 с.
3. Исламов Р.Ф. Алтын Урда һәм мәмлүкләр Мисыры: язма мирас, мәдәни багланышлар. Казан: Матбугат йорты, 1998. 249 б.
4. Понне Н.Н. Золотоордынская рукопись на бересте // *Советское востоковедение*. 1941. С. 81–134, 24 pls.
5. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
6. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Известия из персидских сочинений. СПб., 1941.
7. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса. Казань, 1979. 321 с.
8. Amitai (Amitai-Preiss) R. Evidence for the Early Use of the Title *ilkhān* among the Mongols // *Journal of the Royal Asiatic Society*, 3ème série, vol. 1/3, November 1991. P. 353–361.
9. Amitai R. *Mongols and Mamluks. The Mamluk-Īlkhānid War, 1260–1281*. Cambridge University Press, 1995.
10. Amitai R. Al-Nuwayrī as a Historian of the Mongols // Hugh Kennedy (ed.). *The Historiography of Islamic Egypt (c.950–1800)*, coll. *The Medieval Mediterranean* 31, Brill, 2001. P. 23–36.

¹³³ В части, основывающейся на письмах, посланных иностранными суверенами, ал-Калкашанди (*Subh* [63–64, VIII, р. 64–65] описывает «чингизидское» послание, очень близкое посланию, описанному Ибн Назир ал-Жайишем (*al-Taḥqīf* [47, р. 12]). Чтобы углубить это исследование о сходстве между письмами Золотой Орды и мамлюкскими письмами, понадобится принять в расчет все ханские послания, сохранившиеся в *munša'āt*.

11. *Amitai R.* The Resolution of the Mongol-Mamluk War // Reuven Amitai & Michal Biran (ed.). *Mongols, Turks and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World.* Leiden, Boston: Brill, 2005.
12. *Ayalon D.* The Great Yāsa of Chingiz Khān. A Re-examination. Pt. B // *Studia Islamica* 34, 1971. P. 151–180.
13. *Barthold V.V.* Čaghatay (*Khānat de*) / transl. J.A.Boyle // *Encyclopedie de l'Islam.* Leiden: Brill. Vol. II. P. 3–4.
14. *Barthold V.V.* Alān / transl. V.Minorsky // *Encyclopedie de l'Islam.* Leiden: Brill. Vol. I. P. 364–365.
15. *Bauden F.* The Recovery of Mamluk Chancery Documents in an Unsuspected Place // *The Mamluks in Egyptian and Syrian Politics and Society / Amalia Levanoni & Michael Winter (eds.).* Leiden: Brill, 2004. P. 59–76.
16. *Biran M.* The Empire of the Qara Khitai in Eurasian History: Between China and the Islamic World. Cambridge, 2005.
17. *Björkman W.* Diplomatie // *Encyclopedie de l'Islam.* Leiden: Brill. Vol. IV. P. 309–316.
18. *Björkman W.* Beiträge zur Geschichte der Staatskanzlei im islamischen Ägypten. Hambourg, 1928.
19. *Bosworth C.E.* *Khwārazm* // *Encyclopedie de l'Islam.* Leiden: Brill. Vol. IV. P. 1092–1097.
20. *Busse H.* Diplomatie – Perse // *Encyclopedie de l'Islam.* Leiden: Brill. Vol. IV. P. 319.
21. *Busse H.* Untersuchungen zum Islamischen Kanzleiwesen. Cairo, 1959.
22. *Cahen Cl.* La tuğrā seljuqide // *Journal Asiatique* 234, 1943–45. P. 167–172.
23. *Charmoy F.-B.* Expedition de Timoūr-i-lēnk (Tamerlan) contre Toqtamiche, Khān de l' Ouloūs de Djoūtchy en 793 H., 1391 de J.C: textes arabes, persans et turks publiés et traduits avec des notes et éclaircissements. Amsterdam: Philo Press, 1975 (Reprint: Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St-Pétersbourg. 6e série, Sciences politiques, histoire et philologie; t. III (1836), t. V (1835).
24. *Déroche F., (dir.).* Manuel de codicologie des manuscrits en écriture arabe. Paris: Bnf, 2000.
25. *DeWeese D.A.* Islamization and native religion in the Golden Horde. Baba Tükles and conversion to Islam in historical and epic tradition. University Park (Pa.): Pennsylvania State University, 1994.
26. *DeWeese D.A.* The Kashf al-Khudâ of Kamâl ad-Dîn Husayn Khorezmî: A Fifteenth-Century Sufi Commentary on the Qasîdat al-Burdah in Khorezmian Turkic, Ph.D. dissertation. Bloomington: Indiana University, 1985.
27. *DeWeese D.A.* Toktāmish // *Encyclopedie de l'Islam.* Leiden: Brill. Vol. X. P. 602–605.
28. *Dīwān al-inšā'*, ms Bnf: Arabe 4439 [Partially translated by Quatremère in Raschid-Eldin. *Histoire des Mongols de la Perse.* Paris: Imprimerie Royale, 1836].
29. *Ehrenkreutz A.* Strategic Implications of the Slave Trade between Genoa and Mamluk Egypt in the Second Half of the Thirteenth Century // *The Islamic Middle East: 700–1900: studies in economic and social history / ed. A.L. Udovitch.* Princeton: Darwin Press, 1981. P. 335–345.
30. *Favereau M.* La Horde d'Or de 1377 à 1502 : aux sources d'un siècle « sans Histoire ». Thèse de doctorat en Histoire médiévale (Sorbonne – Paris IV), 2004.
31. *Favereau M.* Les sources de la Horde d'Or. Recension et analyse. DEA d'Histoire médiévale (Sorbonne – Paris IV), 2000.
32. *Fekete L.* Einführung in die Persische Paläographie. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977.

33. *Gazagnadou Didier*. Remarques sur le problème de l'origine d'une pratique des chancelleries Mamlūkes: la Ṭurra // *Studia Islamica*, LXIV. P. 160–164.

34. *Haarmann U.* Arabic in Speech, Turkish in Lineage: Mamluks and their Sons in the Intellectual Life of Fourteenth-Century Egypt and Syria // *Journal of Semitic Studies* 33, 1988. P. 81–114.

35. *(al)-Haġġī H.N.* al-'Alaḳāt bayna Dawlat al-Mamālīk wa-Dawlat Muġul al-Qifġaḳ fī al-fatra ma bayna 658–741 H/1260–1341 M. Koweit: Kulliyat al-Adāb (Ġāmi'at al-Kuwayt), 1981.

36. *Hazai G.* Қипчақ // *Encyclopedie de l'Islam*. Leiden: Brill. Vol. V. P. 128–129.

37. *Humbert G.* Le manuscrit arabe et ses papiers // *La tradition manuscrite en écriture arabe*, REMMM 99–100. P. 55–77.

38. *Ibn 'Abd al-Zāhir*. Al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-malik al-zāhir / Ed. 'A. 'A. al-Ḥuwaytir. Riyad, 1396/1976.

39. *Ibn Faḍl Allāh al-'Umarī*. A Critical Edition of and Study on Ibn Faḍl Allāh's Manual of Secretaryship "al-Ta'rif fī al-muṣṭalaḥ al-šarīf" / Ed. Samir al-Durubī, 2 vols. al-Karak, 1992.

40. *Ibn Faḍl Allāh al-'Umarī*. Al-Ta'rif fī al-muṣṭalaḥ al-šarīf. Beirut: Dār al-kutub al-'ilmiyya, 1408/1988.

41. *Ibn Faḍl Allāh al-'Umarī*. Al-Ta'rif fī al-muṣṭalaḥ al-šarīf. Cairo, 1312/1894–95.

42. *Ibn Faḍl Allāh al-'Umarī*. Masālik al-absār fī mamālīk al-amṣār, III. The Emirates: Markaz Zāyid li-l-turāt wa-l-ta'rīḥ, 2001.

43. *Ibn Faḍlān*. Risālat Ibn Faḍlān / Ed. et commentaires Sāmī al-Dahān. Beirut: Maktabat al-ṭaqāfat al-'āliyya, 1987.

44. *Ibn Fadlān*. Voyage chez les Bulgares de la Volga / transl. Marius Canard. Paris: Sindbad, 1988.

45. *Ibn Ḥaldūn*. Kitāb al-'ibar wa-dīwān al-mubtadā wa-l-ḥabar fī ayyām al-'arab wa-l-aġam wa-l-barbar V / ed. Naṣr al-Dīn al-Hūrīnī. Būlāq, 1867–68.

46. *Ibn Ḥiġġa*. Qahwat al-inšā' / Ed. Rudolf Veselý. Bibliotheca Islamica 36. Beirut, 2005.

47. *Ibn Nāzir al-Ġayṣ*. Al-Taṭqīf fī al-ta'rif / Ed. Veselý. Cairo: Ifao, 1987.

48. *Ibn Rusteh*. Les Atours précieux (Kitāb al-a'lāq al-nafīsa) / transl. G.Wiet. Cairo: Publications de la Société de Géographie d'Égypte, 1955.

49. *Irwin R.* The Middle East in the middle ages. The early Mamluk Sultanate 1250–1382. Londres–Sydney, 1986.

50. *Jackson P.* The Dissolution of the Mongol Empire // *Central Asiatic Journal* 32, 1978. P. 186–244.

51. *Kotwicz W.* Formules initiales des documents mongols aux XIIIe et XIVe s. // *Rocznik Orjentalistyczny* 10, 1934. P. 131–157.

52. *Kurat A.N.* Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altınordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait Yarlık ve bitikler, Dil ve Tarih-Çoğrafya Fakültesi Yayınlarından. Tarih Serisi I. İstanbul: Burhanettin Matbaası, 1940.

53. *Little Donald P.* Notes on Aitamis, a Mongol Mamluk // *Die islamische Welt zwischen Mittelalter und Neuzeit: Festschrift für Hans Robert Roemer zum 65. Geburtstag / Ulrich Haarmann & Peter Bachmann (eds.)*. Orient-Institut der Deutschen Morganlandischen Gesellschaft/Wiesbaden, Beirut, 1979. P. 387–401.

54. *Lockhart L., Hodgson M.* Alamūt // *Encyclopedie de l'Islam*. Leiden: Brill. Vol. I. P. 363–364.

55. *Manz Beatrice F.* Mongol History rewritten and relived // *Figures mythiques de l'Orient musulman*, REMMM 89–90. P. 129–150.

56. *Manz Beatrice F.* The rise and rule of Tamerlane. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1999.

57. *Martel-Thoumian B.* Les civils et l'administration dans l'Etat militaire mamlūk (IXe/XVe siècle). Damas: I.F.D., 1992.

58. Mu'izz al-Ansāb. Ms Bnf: Persan 67.
59. (al)-Nasawī M. Sīrat al-sultān Ġalāl al-dīn Mankubirtī X / transl. O.Houdas. Paris: Publications de l'École des Langues orientales, 3e série, 1895.
60. (al)-Nuwayrī. Nihāyat al-Arab fī funūn al-adab. Cairo, 1923–55.
61. Özyetgin A.M. Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait yıllık ve bitiklerin dil ve üslup incelemesi. Ankara, 1996.
62. Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949.
63. (al)-Qalqaşandī. Şubḥ al-a'sā fī şinā'at al-inşā'. Beirut, 1987.
64. (al)-Qalqaşandī. Şubḥ al-a'sā fī şinā'at al-inşā'. Cairo, 1918–22 (new ed. Cairo, 1963–1972).
65. Reyhman J., Zajaczkowski A. Handbook of Ottoman-Turkish Diplomats / transl. A.S. Ehrenkreutz, ed. T. Haqslasi-Kun. La Hague, Paris: Near and Middle East Studies Columbia University, Mouton, 1968.
66. Richard J. La conversion de Berke et les débuts de l'islamisation de la Horde d'Or // Revue des études islamiques 35, 1967. P. 173–184.
67. Rogers J.M. Evidence for Mamlūk-Mongol Relations, 1260–1360 // Colloque international sur l'histoire du Caire (27 mars – 5 avril 1969). Cairo, 1972. P. 385–403.
68. Salibi K.S. Ibn Faḍl Allāh al-'Umarī // Encyclopedie de l'Islam, Vol. III. Leiden: Brill. P. 78–82.
69. Sourdel-Thomine J. Arslan A. Khaṭṭ // Encyclopedie de l'Islam, Vol. IV. Leiden: Brill. P. 1144–1162.
70. Spuler B. Īlkhāns // Encyclopedie de l'Islam, Vol. III. Leiden: Brill. P. 1148–1151.
71. Spuler B. Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland, 1223–1502. Wiesbaden: O.Harrassowitz, 1965.
72. Stern S.M. Fāṭimid Decrees Original Documents from the Fāṭimid Chancery. Londres: Saber and Saber, 1964.
73. The online Mamluk Secondary Bibliography. <http://www.lib.uchicago.edu/e/su/mideast/mamluk/>
74. Van Steenberg Jo. The Amir Qawṣūn, statesman or courtier? (720–741 AH/1320–1341 AD) // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras III / U.Vermeulen & J. Van Steenberg (ed.). Orientalia Lovaniensia Analecta 102, 2001. P. 449–466.
75. Vásáry I. «History and Legend» in Berke Khan's Conversion to Islam // Aspects of Altaic Civilization III / D. Sinor (ed.). Vol. 145, 1990. P. 230–252.
76. Vásáry I. Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottomans Balkans, 1185–1365. Cambridge University Press, 2005.
77. (al)-Yūnīnī. Dayl Mir'āt al-Zamān, 2 vols. Hyderabad, 1955.
78. Favereau M. Comment le sultan mamlouk s'adressait au khan de la Horde d'Or. Formulaire des lettres et règles d'usage d'après trois manuels de chancellerie (1262–v.1430) // Annales Islamologiques 41, 2008. P. 59–95.

Сведения об авторе: Мари Фаверо-Думенжу – Ph.D. (история), научный сотрудник, исторический факультет, Оксфордский университет (OX1 2RL, ул. Георгия, Оксфорд, Великобритания); университет Сорбонна – Париж IV (75005, ул. Виктор Кузин, 1, Париж, Франция). E-mail: marie.favereau@history.ox.ac.uk

Поступила 24.11.2017 Принята к публикации 01.03.2018
Опубликована 29.03.2018

REFERENCES

1. Grigor'ev A.P. Ofitsial'ny yazyk Zolotoy Ordy XIII–XIV vv. [The Official Language of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. *Tyurkologicheskiy sbornik. 1977* [Turkological Collection]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1981, pp. 81–89. (In Russian)
2. Zakirov S. *Diplomaticheskie otnosheniya Zolotoy Ordy s Egiptom (XIII–XIV vv.)* [The Diplomatic Relationship between the Golden Horde and Egypt (13th–14th centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 160 p. (In Russian)
3. Islamov R.F. *Altyn Urda ham mamlyklar Misyry: yazma miras, madani baglanyshlar* [The Golden Horde and Mamluk Egypt]. Kazan, Matbugat yorty, 1998. 249 b. (In Tatar)
4. Poppe N.N. Zolotoordynskaya rukopis' na bereste [A Manuscript of the Golden Horde on Birchbark]. *Sovetskoe vostokovedenie* [Soviet Oriental Studies] 2, 1941, pp. 81–134, 24 pls. (In Russian)
5. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collected Materials Related to the History of the Golden Horde]. Vol. 1: *Iz vlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Excerpts from Arabic Writings]. St. Petersburg, 1884. (In Russian)
6. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collected Materials Related to the History of the Golden Horde]. Vol. 2: *Izvestiya iz persidskikh sochineniy* [Excerpts from Persian Writings]. Moscow, Leningrad, 1941. (In Russian)
7. Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa* [Granted Charters of the Ulus of Jochi]. Kazan, 1979. 321 p. (In Russian)
8. Amitai (Amitai-Preiss) R. Evidence for the Early Use of the Title *ilkhān* among the Mongols. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 3ème série, vol.1/3, November 1991, pp. 353–361.
9. Amitai R. *Mongols and Mamluks. The Mamluk-Īlkhānid War, 1260–1281*. Cambridge University Press, 1995.
10. Amitai R. Al-Nuwayrī as a Historian of the Mongols. In Hugh Kennedy (ed.), *The Historiography of Islamic Egypt (c.950–1800)*, coll. The Medieval Mediterranean 31. Leiden, Brill, 2001, pp. 23–36.
11. Amitai R. The Resolution of the Mongol-Mamluk War. In Reuven Amitai & Michal Biran (ed.), *Mongols, Turks and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Leiden, Boston, Brill, 2005.
12. Ayalon D. The Great Yāsa of Chingiz Khān. A Re-examination. Pt. B. *Studia Islamica* 34, 1971, pp. 151–180.
13. Barthold V.V. Čaghatay (Khānat de). Transl. J.A.Boyle. *Encyclopédie de l'Islam*, Vol. II. Leiden, Brill, pp. 3–4. (In French)
14. Barthold V.V. Alān. Transl. V.Minorsky. *Encyclopédie de l'Islam*, Vol. I. Leiden, Brill, pp. 364–365. (In French)
15. Bauden F. The Recovery of Mamluk Chancery Documents in an Unsuspected Place. In *The Mamluks in Egyptian and Syrian Politics and Society*, Amalia Levanoni & Michael Winter (eds.). Leiden, Brill, 2004, pp. 59–76.
16. Biran M. *The Empire of the Qara Khitai in Eurasian History: Between China and the Islamic World*. Cambridge, 2005.
17. Björkman W. Diplomatie. *Encyclopédie de l'Islam*, Vol. IV. Leiden, Brill, pp. 309–316. (In French)
18. Björkman W. *Beiträge zur Geschichte der Staatskanzlei im islamischen Ägypten*. Hambourg, 1928. (In German)
19. Bosworth Cl. E. Khwārazm. *Encyclopédie de l'Islam*, Vol. IV. Leiden, Brill, pp. 1092–1097. (In French)

20. Busse H. *Diplomatique – Perse. Encyclopédie de l’Islam*, Vol. IV. Leiden, Brill, p. 319. (In French)
21. Busse H. *Untersuchungen zum Islamischen Kanzleiwesen*. Cairo, 1959. (In German)
22. Cahen Cl. La tuğrā seljuqide. *Journal Asiatique* 234, 1943–45, pp. 167–172. (In French)
23. Charmoy F.-B. *Expedition de Timoûr-i-lènk (Tamerlan) contre Toqtamiche, Khân de l’Ouloûs de Djoûtchy en 793 H., 1391 de J.C: textes arabes, persans et turks publiés et traduits avec des notes et éclaircissements*. Amsterdam, Philo Press, 1975 (Reprint: Mémoires de l’Académie impériale des sciences de St-Petersbourg. 6e série, Sciences politiques, histoire et philologie; t. III (1836), t. V (1835)). (In French)
24. Déroche F. (dir.). *Manuel de codicologie des manuscrits en écriture arabe*. Paris, Bnf, 2000. (In French)
25. DeWeese D.A. *Islamization and native religion in the Golden Horde. Baba Tükles and conversion to Islam in historical and epic tradition*. University Park (Pa.), Pennsylvania State University, 1994.
26. DeWeese D.A. *The Kashf al-Khudâ of Kamâl ad-Dîn Husayn Khorezmî: A Fifteenth-Century Sufi Commentary on the Qasîdat al-Burdah in Khorezmian Turkic*. Ph.D. dissertation. Bloomington, Indiana University, 1985.
27. DeWeese D.A. Toktâmish. *Encyclopédie de l’Islam*, Vol. X. Leiden, Brill, pp. 602–605. (In French)
28. *Dîwân al-inšâ’*, ms Bnf: Arabe 4439 [Partially translated by Quatremère in Raschid-Eldin. *Histoire des Mongols de la Perse*. Paris, Imprimerie Royale, 1836]. (In Arabic)
29. Ehrenkreutz A. Strategic Implications of the Slave Trade between Genoa and Mamluk Egypt in the Second Half of the Thirteenth Century. *The Islamic Middle East: 700–1900. Studies in Economic and Social History*, ed. A.L. Udovitch. Princeton, Darwin Press, 1981, pp. 335–345.
30. Favereau M. *La Horde d’Or de 1377 à 1502: aux sources d’un siècle « sans Histoire »*. Thèse de doctorat en Histoire médiévale (Sorbonne – Paris IV), 2004. (In French)
31. Favereau M. *Les sources de la Horde d’Or. Recension et analyse*. DEA d’Histoire médiévale (Sorbonne – Paris IV), 2000. (In French)
32. Fekete L. *Einführung in die Persische Paläographie*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1977. (In German)
33. Gazagnadou D. Remarques sur le problème de l’origine d’une pratique des chancelleries Mamlûkes: la Turra. *Studia Islamica* LXIV, pp. 160–164. (In French)
34. Haarmann U. Arabic in Speech, Turkish in Lineage: Mamluks and their Sons in the Intellectual Life of Fourteenth-Century Egypt and Syria. *Journal of Semitic Studies* 33, 1988, pp. 81–114.
35. (al)-Ĥağğī Ĥ.N. *al-‘Alaqât bayna Dawlat al-Mamālîk wa-Dawlat Muğul al-Qifğaq fî al-fatra ma bayna 658–741 H/1260–1341 M*. Koweit, Kulliyat al-Adâb (Ġâmi‘at al-Kuwayt), 1981. (In Arabic)
36. Hazai G. Kıpçak. *Encyclopédie de l’Islam*, Vol. V. Leiden, Brill, pp. 128–129. (In French)
37. Humbert G. Le manuscrit arabe et ses papiers. *La tradition manuscrite en écriture arabe. REMMM* 99–100, pp. 55–77. (In French)
38. Ibn ‘Abd al-Zâhir. *Al-Rawḍ al-zâhir fî sîrat al-malik al-zâhir*. Ed. ‘A.‘A. al-Ĥuwaytir. Riyad, 1396/1976. (In Arabic)
39. Ibn Faḍl Allâh al-‘Umārī. *A Critical Edition of and Study on Ibn Faḍl Allâh’s Manual of Secretaryship “al-Ta’rîf fî al-muštalah al-šarîf”*. Ed. Samir al-Durubî, 2 vols. al-Karak, 1992. (In Arabic)

40. Ibn Faḍl Allāh al-ʿUmarī. *Al-Taʿrīf fī al-muṣṭalah al-ṣarīf*. Beirut, Dār al-kutub al-ʿilmiyya, 1408/1988. (In Arabic)
41. Ibn Faḍl Allāh al-ʿUmarī. *Al-Taʿrīf fī al-muṣṭalah al-ṣarīf*. Cairo, 1312/1894–95. (In Arabic)
42. Ibn Faḍl Allāh al-ʿUmarī. *Masālik al-absār fī mamālik al-amṣār*, III. The Emirates, Markaz Zāyid li-l-turāṭ wa-l-taʿrīḥ, 2001. (In Arabic)
43. Ibn Faḍlān. *Risālat Ibn Faḍlān*. Ed. & annotations Sāmī al-Dahān. Beirut, Maktabat al-ṭaqāfat al-ʿāliyya, 1987. (In Arabic)
44. Ibn Faḍlān. *Voyage chez les Bulgares de la Volga*. Transl. Marius Canard. Paris, Sindbad, 1988. (In French)
45. Ibn Ḥaldūn. *Kitāb al-ʿibar wa-dīwān al-mubtadā wa-l-ḥabar fī ayyām al-ʿarab wa-l-aḡam wa-l-barbar*, V. Ed. Naṣr al-Dīn al-Hūrīnī. Būlāq, 1867–68. (In Arabic)
46. Ibn Ḥiǧǧa. *Qahwat al-inṣāʾ*. Ed. Rudolf Veselý. Bibliotheca Islamica 36. Beirut, 2005. (In Arabic)
47. Ibn Nāzīr al-Ġayṣ. *Al-Taṭqīf fī al-taʿrīf*. Ed. Veselý. Cairo, Ifao, 1987. (In Arabic)
48. Ibn Rusteh. *Les Atours précieux (Kitāb al-aʿlāq al-naḥḥa)*. Transl. G. Wiet. Cairo, Publications de la Société de Géographie d’Egypte, 1955. (In French)
49. Irwin R. *The Middle East in the Middle Ages. The Early Mamluk Sultanate 1250–1382*. London–Sydney, 1986.
50. Jackson P. The Dissolution of the Mongol Empire. *Central Asiatic Journal* 32, 1978, pp. 186–244.
51. Kotwicz W. Formules initiales des documents mongols aux XIIIe et XIVe s. *Rocznik Orientalistyczny* 10, 1934, pp. 131–157. (In French)
52. Kurat A.N. *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altınordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait Yarlık ve bitikler*. Dil ve Tarih-Çoğrafya Fakültesi Yayınlarından. Tarih Serisi I. Istanbul, Burhanettin Matbaası, 1940. (In Turkish)
53. Little D.P. Notes on Aitamis, a Mongol Mamluk. *Die islamische Welt zwischen Mittelalter und Neuzeit: Festschrift für Hans Robert Roemer zum 65. Geburtstag*, Ulrich Haarmann & Peter Bachmann (eds.). Orient-Institut der Deutschen Morganlandischen Gesellschaft/Wiesbaden, Beirut, 1979, pp. 387–401.
54. Lockhart L., Hodgson M. Alamūt. *Encyclopédie de l’Islam*, Vol. I. Leiden, Brill, pp. 363–364. (In French)
55. Manz Beatrice F. Mongol History rewritten and relived. *Figures mythiques de l’Orient musulman. REMMM* 89–90, pp. 129–150.
56. Manz Beatrice F. *The Rise and Rule of Tamerlane*. Cambridge–New York, Cambridge University Press, 1999.
57. Martel-Thoumian B. *Les civils et l’administration dans l’Etat militaire mamlūk (IXe/XVe siècle)*. Damas, I.F.D., 1992. (In French)
58. *Muʿizz al-Ansāb*. ms Bnf: Persan 67. (In Arabic)
59. (al)-Nasawī M. *Sīrat al-sultān Ġalāl al-dīn Mankubīrī*. Transl. O.Houdas. Publications de l’Ecole des Langues orientales, 3e série, vol. X, Paris, 1895. (In French)
60. (al)-Nuwayrī. *Nihāyat al-Arab fī funūn al-adab*. Cairo, 1923–55. (In Arabic)
61. Özyetgin A.M. *Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait yarlık ve bitiklerin dil ve üslup incelemesi*. Ankara, 1996. (In Turkish)
62. Pelliot P. *Notes sur l’histoire de la Horde d’Or*. Paris, 1949. (In French)
63. (al)-Qalqaşandī. *Şubḥ al-aʿšā fī şināʾat al-inṣāʾ*. Beirut, 1987. (In Arabic)
64. (al)-Qalqaşandī. *Şubḥ al-aʿšā fī şināʾat al-inṣāʾ*. Cairo, 1918–22 (new ed. Cairo, 1963–1972). (In Arabic)
65. Reyhman J., Zajaczkowski A. *Handbook of Ottoman-Turkish Diplomats*. Transl. A.S. Ehrenkreutz, ed. T. Haqlasi-Kun. La Hague, Paris, Near and Middle East Studies Columbia University, Mouton, 1968.
66. Richard J. La conversion de Berke et les débuts de l’islamisation de la Horde d’Or. *Revue des études islamiques* 35, 1967, pp. 173–184. (In French)

67. Rogers J.M. Evidence for Mamlūk-Mongol Relations, 1260–1360. *Colloque international sur l'histoire du Caire (27 mars – 5 avril 1969)*. Cairo, 1972, pp. 385–403.
68. Salibi K.S. Ibn Faḍl Allāh al-ʿUmarī. *Encyclopédie de l'Islam*, Vol. III. Leiden, Brill, pp. 78–82. (In French)
69. Sourdel-Thomine J. Arl Arslan A. *Khaṭṭ*. *Encyclopédie de l'Islam*, Vol. IV. Leiden, Brill, pp. 1144–1162. (In French)
70. Spuler B. *Īlkhāns*. *Encyclopédie de l'Islam*, Vol. III. Leiden, Brill, pp. 1148–1151. (In French)
71. Spuler B. *Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland, 1223–1502*. Wiesbaden, O.Harrassowitz, 1965. (In German)
72. Stern S.M. *Fāṭimid Decrees Original Documents from the Fāṭimid Chancery*. London, Saber and Saber, 1964.
73. The online Mamluk Secondary Bibliography. Available at: <http://www.lib.uchicago.edu/e/su/mideast/mamluk/>
74. Van Steenberghe J. The Amir Qawṣūn, statesman or courtier? (720–741 AH / 1320–1341 AD). *Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras III*, U.Vermeulen & J. Van Steenberghe (ed.). *Orientalia Lovaniensia Analecta* 102, 2001, pp. 449–466.
75. Vászary I. “History and Legend” in Berke Khan’s Conversion to Islam. *Aspects of Altaic Civilization III*, D. Sinor (ed.), Vol. 145, 1990, pp. 230–252.
76. Vászary I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottomans Balkans, 1185–1365*. Cambridge University Press, 2005.
77. (al)-Yūnīnī. *Dayl Mir’āt al-Zamān*. 2 vols. Hyderabad, 1955. (In Arabic)
78. Favereau M. Comment le sultan mamlouk s’adressait au khan de la Horde d’Or. *Formulaire des lettres et règles d’usage d’après trois manuels de chancellerie (1262–v.1430)*. *Annales Islamologiques* 41, 2008, pp. 59–95. (In French)

Acknowledgments

I thank Frederick Bodan and Naglaa Hamdi for their careful reading and fair remarks. I also thank Ilnur Mirgaleev and the editorial board of the journal “Zolotoordynskoye Obozreniye=Golden Horde Review” for the opportunity to publish my work in Russian.

About the author: Marie Favereau – Ph.D. (History), Research Associate, Faculty of History, Oxford University (George Str., Oxford OX1 2RL, United Kingdom); La Sorbonne – Paris IV (1, Victor Cousin Str., Paris 75005, France). E-mail: marie.favereau@history.ox.ac.uk

*Received November 24, 2017 Accepted for publication March 1, 2018
Published March 29, 2018*